ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 37-й № 29 (3952) ВТОРНИК, 8 МАРТА 1966 г. ЦЕНА 4 коп.

К СОВЕТСКИМ ЖЕНЩИНАМ

ОБРАЩЕНИЕ ЦК КПСС В СВЯЗИ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ ДНЕМ 8 МАРТА

Дорогие товарищи женщины, наши славные труженицы, активные строительницы коммунизма!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо поздравляет вас с Международным женским днем 8 Марта, боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире.

В нынешнем году Международный женский день 8 Марта в нашей стране празднуется особенно торжественно. Указом Президиума Верховного Совета СССР в знак выдающихся заслуг советских женщин в коммунистическом строительстве и в защите Родины этот день объявлен нерабочим. Он отмечается в канун XXIII съезда КПСС. В стране развернулось всенародное обсуждение проекта Директив съезда по новому пятилетнему плану, который явится важным этапом в создании материально-технической базы коммунизма, в дальнейшем подъеме благосостояния трудящихся.

Советские женщины своими патриотическими делами и самоотверженностью снискали глубокое уважение всего нашего народа. Вместе с мужчинами они беззаветно боролись за власть Советов, героически отстаивали завоевания пролетарской революции в годы Великой Отечественной войны, внесли огромный вклад в социалистическое преобразование Родины.

Воспитанные Коммунистической партией на идеях марксизма-ленинизма работницы и колхозницы, инженеры и техники, врачи и учительницы, деятельницы науки, литературы и искусства — все советские женщины отдают свои силы и знания великому делу победы коммунизма в нашей стране.

Впервые в истории человечества Страна Советов обеспечила женщине равные права с мужчиной, предоставила ей широкие возможности для раскрытия своих талантов и способностей. Советские женщины занимают видное место в народном хозяйстве страны, в управлении государством, они успешно руководят школами, фабриками, заводами, колхозами, совхозами, институтами, медицинскими и бытовыми учреждениями. Тысячи женщин избраны в высшие органы государственной власти — Верховный Совет СССР, Верховные Советы союзных и автономных республик, а также в местные Советы депутатов трудящихся.

Заслуги советских женщин перед Родиной по достоинству оценены партией, правительством, народом: свыше миллиона женщин удостоены правительственных наград, тысячи женщин — Герои Социалистического Труда, Герои Советского Союза.

Всенародным вниманием, любовью и заботой окружена в нашей стране женщина-мать. За благородный труд по воспитанию подрастающего поколения десятки тысяч советских женщин удостоены почетного звания «Мать-героиня», миллионы женщин награждены орденом «Материнская слава» и «Медалью материнства».

Коммунистическая партия и Советское правительство считают своим долгом и впредь неустанно заботиться об улучшении условий труда и быта женщин, предоставлять им все необходимые возможности для повышения знаний, культурного отдыха, помогать в укреплении семьи, воспитании детей. В новой пятилетке значительно возрастет количество детских дошкольных учреждений, широким фронтом будет идти жилищное строительство, намного увеличится объем культурно-бытовых услуг населению, облегчающих домашний труд женщин.

Советских женщин, их подруг из братских социалистических стран, как и трудящихся женщин всей земли, объединяет общее стремление к миру. Женщины требуют немедленного прекращения военной интервенции американского империализма в Южном Вьетнаме и его агрессивных действий против Демократической Республики Вьетнам, решительно выступают против оснащения западногерманских реваншистов ядерным оружием. В первых рядах борцов за упрочение мира, за свободу и независимость народов всегда шли и ныне идут советские женщины.

Советские женщины горячо поддерживают внутреннюю и внешнюю политику нашей партии и правительства. ЦК КПСС выражает уверенность, что вы, верные дочери своей страны, и впредь не пожалеете сил, знаний и творческой энергии для дальнейшего укрепления социалистической Отчизны, для победы коммунистических идеалов.

Дорогие товарищи женщины! Наши матери, сестры, подруги!

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза горячо желает вам больших успехов во всех ваших делах и добрых начинаниях, хорошего здоровья, радостной и мирной жизни.

Честь и слава советским женщинам!

Да здравствуют трудящиеся женщины всего мира!

Да здравствует Международный женский день 8 Марта!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

НАШ СОВРЕМЕННИК *Из снимков, поступивших на фотоконкурс.*

Молодость

Фото **В. Мастюкова**

УКАЗ
ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О награждении писателя Крапивы (Атраховича) К. К. орденом Ленина

За большие заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Крапиву** (Атраховича) Кондрата Кондратьевича орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ

МОСКВА. КРЕМЛЬ. 5 марта 1966 г.

Ирина ВОЛОБУЕВА

Путевые блокноты

В добрый путь, в добрый путь,
путевые блокноты,
Вам извечно по небу летать
в самолетах,
Отъезжать поездами простыми
и скорыми,
Вы нам служите честно,
как музыке ноты,
Как столбы проводам,
как растениям — корни.
То в пыли, то в дожде,
то продутые ветром,
Вы заботливо, словно хозяйки
в корзины,
Собираете звуки и запахи лета,
Города и селенья в дымах
и рассветах.

Чтоб вернуть нам их в долгие
снежные зимы,
Чтобы в комнаты наши —
с помятых страничек
Сыпать росные травы и щебеты
птичьи,
Чтоб тревожить сердца наши
чьей-то тревогой,
Той, с которой встречались мы
где-то в дорогах,
Чтоб заботить нас чьей-то
большою заботой,
Всем, что только касается
белого света.
В добрый путь, в добрый путь,
путевые блокноты,
Всю вселенную вам доверяют
поэты.

одна строка

«Обеспечить развитие курортов Черноморского побережья, Приазовья и Карпат».

(Из проекта Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы)

ПОРА ОТПУСКОВ

ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ эту строку из проекта Директив наш киевский корреспондент попросил председателя Украинского совета по управлению курортами профсоюзов тов. Л. С. Ларичева.

— Недавно я возвратился из Ялты, где проходило совещание, посвященное подготовке к предстоящему курортному сезону.

Каждый год открываются новые санатории, дома отдыха, пансионаты — и все равно их не хватает: ведь из года в год на курортах отдыхает все больше и больше людей.

Пятилетний план предусматривает резкое расширение курортного строительства: за пятилетие будет построено вдвое больше здравниц, чем за всю минувшую семилетку. И семьдесят пять процентов курортных новостроек появится на Черноморском побережье, в Приазовье и в Карпатах. Это, так сказать, главные очаги здоровья на Украине. Здесь все лучшее, что дает природа: море, солнце, воздух, лес, горы, минеральные источники.

Чтобы расшифровать этот пункт из проекта Директив, назову лишь самые крупные наши новостройки. На Черноморском побережье: городки отдыха в Планерском под Феодосией (в скобках я называю количество мест — 2500) и в селе Парковом неподалеку от Симеиза (3000); пионерский лагерь санаторного типа в Евпатории (2000); пансионаты на одесских курортах Куяльницком и Каролино-Бугаз (4000); большой дом отдыха в Очакове Николаевской области (1800). В районе Приазовья: курортный городок (2500) и дом отдыха матери и ребенка (500) в Бердянске; пансионат в селе Кирилловка и на взморье между Бердянском и Ждановом с прекрасными песчаными пляжами. В Карпатах: пансионаты и санатории в Трускавце и Моршине (5000), новый дом отдыха (500)... И, конечно же, будут расширены многие функционирующие санатории, дома отдыха и пансионаты.

Каковы же главные тенденции в развитии курортов? Это преимущественное строительство здравниц, предназначенных исключительно для отдыха. Происходит в некотором роде дальнейшая «демократизация» курортов. Прежде строились главным образом санатории, которыми часто пользовались не столько для лечения, сколько для отдыха. Сейчас будет значительно больше пансионатов и городков отдыха — они, разумеется, обходятся намного дешевле. К тому же здесь не так регламентируются сроки пребывания и не столь строг режим. Во-вторых, новые здравницы представляют собой комплексы, рассчитанные на большие контингенты отдыхающих. Это экономичнее и позволяет создать лучшие условия отдыхающим.

КИЕВ. (По телефону). Наш корр.

В ЭТИ ВЕСЕННИЕ ДНИ...

● Новую книгу сдала в Лениздат Вера Панова. В нее входят четыре киноповести — «Рабочий поселок», «Рано утром», «Мальчик и девочка» и «Четыре страницы одной молодой жизни». С фильмами, в основу которых положены две первые повести, зрители познакомятся в ближайшее время. Вскоре выйдет на экраны третий фильм «Мальчик и девочка», работу над которым завершает сейчас на студии «Ленфильм» съемочный коллектив.

● «Литературная газета» немного более года тому назад знакомила своих читателей с фрагментами из сценария Ольги Берггольц «Первороссияне». Главный редактор Второго творческого объединения студии «Ленфильм» Дм. Молдавский сообщил нашему корреспонденту:

— Кинофильм по сценарию, созданному Ольгой Берггольц, запущен в производство. Постановщик фильма А. Иванов пишет режиссерский сценарий картины, идет подбор артистов, ведутся поиски нужных архивных материалов. Часть творческой группы выехала на Алтай, где более полувека назад питерскими рабочими было организовано первое Российское общество землеробов-коммунистов и где будет происходить действие будущей киноэпопеи.

● В издательстве «Детская литература» в эти дни выходят книги многих писателей-женщин: А. Барто, З. Воскресенской, В. Дридзо, Л. Воронковой, В. Осеевой, М. Прилежаевой и других. В сборник М. Прилежаевой «Повести о нашей жизни» вошли произведения, уже знакомые читателю, — «Юность Маши Строговой», «Третья Варя», «Пушкинский вальс». М. Прилежаева закончила сейчас новую книгу «Удивительный год». Это повесть о Владимире Ильиче. Писательница рассказывает в ней о последнем годе его ссылки в селе Шушенском.

● «Березы белые,
красавицы
лесные,
Вновь ваши песни
сердцем я ловлю.
Не зная вас,
нельзя узнать
России
И полюбить, как я
ее люблю!»

Этими строками открывается цикл «На русской земле» из новой книги «Яблоневая ветка» известной азербайджанской поэтессы Мирварид Дильбази. В сборник, выпущенный недавно издательством «Художественная литература», вошли стихи разных лет, поэма «Мехсети» и поэма-сказка «Тоска по воде».

● «...Как мне
хочется,
чтоб каждый,
Чье сердце зажжено
высокой жаждой,
Испить пришел бы
из моей строки!»

— пишет в одном из своих стихотворений Зульфия. Поэтесса мечтает о том, чтобы ее творчество, подобно живой воде, давало людям силу, приносило им радость и счастье.

К 50-летию поэтессы в Ташкенте на узбекском языке была издана новая книга ее стихов.

● Несколько лет тому назад инженер Дора Павлова дебютировала в литературе романом «Совесть». Сейчас писательница закончила новый роман, который она назвала — пока еще условно — «Это случилось». Действие в новой книге развертывается в Москве, в наши дни. Это роман о современниках, о технической интеллигенции.

● «Поэзия для детей, ее чувства и краски» — тема доклада белорусской поэтессы Эди Огнецвет на недавно состоявшемся пленуме Союза писателей Белоруссии. Вот уже 30 лет ее имя значится в поэтической рубрике. Эди Огнецвет много ездит, и стихи ее впитали краски не только родной Белоруссии, но и Узбекистана, Болгарии... Недавно из печати вышел новый сборник поэтессы «Лирика».

● Мягкое, лиричное дарование Евдокии Лось проявилось в ее сборниках «Если помнить о солнце» и «Купалка». Ее новый сборник лирики «Краса» стал уже известен любителям белорусской поэзии.

Шеренга белорусских поэтесс пополняется новыми именами. На страницах газеты «Літаратура і мастацтва» Евдокия Лось дает «добро» первому поэтическому сборнику Нины Галиновской.

● Нестареющий талант одной из самых любимых эстонских поэтесс Керсти Мерилаас с каждым годом сверкает все новыми гранями. Не так уж часто случается, что на писательском съезде говорят не только о сборнике, а и об отдельных стихах, напечатанных в газетах и журналах. Таким гражданским накалом, таким жизнелюбием и страстностью пронизаны стихи Керсти Мерилаас, что они немедленно сходят с печатных страниц в гущу жизни. Совсем недавно издательство «Советский писатель» выпустило ее сборник «Береговая ласточка», а в Таллине уже готовится к выпуску книга ее новых стихов.

● Сборник «Хлеб прибрежных равнин» Деборы Вааранди был удостоен в 1965 году республиканской премии Советской Эстонии. Она получила также премию имени Юхана Лийва за лучшее стихотворение года — «Почвы Эстонии». В журнале «Лооминг» опубликован новый цикл философских стихов Д. Вааранди.

● Ежегодно Лилли Промет выпускает книгу, а то и две. В 1965 году вышли «Странная книга» (размышления о себе и друзьях, о литературе и искусстве, воспоминания и встречи) и совместно с Р. Парве «Семь писем из Польши». На столе лежат законченные рукописи нового сборника повестей «Кто распространяет анекдоты?» и киносценария на антирелигиозную тему. Сейчас Л. Промет работает над психологическим романом о человеке, который проносит любовь к жизни сквозь все испытания, уготовленные ему судьбой.

● Срок пребывания в Союзе писателей у Эмэ Бээкман совсем небольшой. Но читателям уже известны ее сборники путевых очерков и роман «Маленькие люди», который выйдет в скором времени в переводе на русский язык. В двух последних номерах журнала «Лооминг» опубликован ее новый роман «Отсветы в колодце».

ОБСУЖДЕНИЕ «ЮНОСТИ»

ДВА дня в Центральном Доме литераторов продолжалось объединенное заседание совета по критике и совета по детской и юношеской литературе правления Союза писателей СССР, на котором обсуждалась работа журнала «Юность». Вступительное слово произнес секретарь правления Союза писателей СССР К. Воронков. Затем с докладом выступил главный редактор журнала Б. Полевой.

— С первых же номеров «Юности» современная тема стала ведущей, определяющей темой журнала, — сказал он. — Отображение жизни советской молодежи, раскрытие характера молодого современника, поиски наилучших путей к сердцам читателей и активное участие в формировании их мировоззрения — вот главная задача, которую поставил перед собой журнал.

Но даем ли мы то, чего от нас ждут? Отвечаем ли на запросы молодых? Высококачественно ли все то, что находят юноши и девушки на страницах журнала, а главное, вдохновляем ли мы их на дальнейшую борьбу за торжество коммунистических идеалов?

С этой точки зрения Б. Полевой проанализировал работу журнала.

После доклада развернулись прения, в которых приняли участие писатели, критики, издательские и комсомольские работники, художники, журналисты, педагоги. Выступавшие отмечали заслуги популярного журнала, опубликовавшего на своих страницах немало хороших произведений, способствующих идейно-художественному воспитанию молодого читателя. Вместе с тем многие обращали внимание на серьезные недостатки в некоторых публикациях журнала и, в частности, на отсутствие в ряде прозаических вещей, напечатанных в «Юности», глубокого исследования жизни, ведущих закономерностей ее развития, что во многом снижает их гражданский пафос.

Всего выступило 30 человек. Среди них: И. Мотяшов, Г. Синоконь, А. Дорохов, А. Бучис, А. Устинов, Б. Балтер, Т. Мотылева, И. Виноградов, Э. Кедрина, М. Каратаев, В. Огнев, Л. Ковалева, Л. Иванова, А. Анзиьев, М. Алексеев, М. Златогоров, Г. Оганов, В. Мнацаканян, И. Эвентов, В. Быков, В. Розов, В. Костин, А. Якубов, В. Осипов, Л. Крячко, В. Ганичев, С. Плачинда, В. Карпов, А. Граши. Краткие итоги дискуссии подвел секретарь правления и председатель совета по критике Союза писателей СССР Л. Новиченко.

ВНИМАНИЕ—КАДРЫ!

Вера КЕТЛИНСКАЯ

В ЭТИ дни у каждого работника страны свои раздумья, заботы и надежды — иногда они вращаются вокруг общих организаторских и хозяйственных проблем, иногда концентрируются на одной строчке проекта, на какой-то одной контрольной цифре будущего пятилетия.

В повседневных трудах и хлопотах мы редко охватываем целое, редко задумываемся, какая же это громада — наша страна, наши общенародные трудовые планы во всем многообразии дел, во всей сложности их сочетаний. Видим каждый свое, радуемся крупным успехам, сердимся на всяческие недостатки и недоработки, — а их хватает! Это хорошо, что сердимся, что не закрываем глаза на плохое, — со смеженными глазами ничего не выправишь. Но одной зоркости мало — нужно действовать, нужен труд, нужна общественная страстность.

Сегодня это необходимо, как никогда. В проекте Директив XXIII съезда партии на новое пятилетие, представленном на наше обсуждение, выступают два главных взаимосвязанных принципа: научная обоснованность и всесторонняя продуманность каждой цифры и необходимость развития, при централизованном планировании, всяческой инициативы и самостоятельности трудовых коллективов, то есть развития демократических основ управления. А это значит, что речь идет о людях, об отношении к ним. Речь идет о **Человеке** — труженике и хозяине, Человеке с его стремлениями и понятиями, с его волей и творческими возможностями, которые надо поощрять и развивать.

Чтобы эти два великих принципа воплотились, потребуется кропотливая и вдохновенная работа в массах. Нужен психологический настрой (часто — перестройка) кадров руководителей и организаторов. Кадры, как никогда раньше, становятся ключевой позицией, определяющей успех. Кому не приходилось видеть, как меркнет и увядает самое доброе начинание, если оно попало в руки равнодушные или невежественные?! А как оживает, светится, обрастает энтузиастами любое дело, если во главе стоят люди, увлеченные и знающие, люди, умеющие работать с другими людьми, советоваться и считаться с ними, поднимать их и растить!..

В разворачивающемся предсъездовском разговоре мое слово — о кадрах. Прежде всего — о кадрах! Трудно рассчитывать на то, что стоит принять превосходные решения об инициативе и самостоятельности, о демократизации управления, — и дело пойдет само. Пригодность каждого к работе в новых условиях будет проверяться и сверху, и снизу. От руководителей, занимающихся подбором, расстановкой и воспитанием кадров, потребуется много чуткости, энергии и вдумчивости. А тут у нас еще многое идет по шаблону, сказываются застарелые привычки и методы.

Мое утверждение не голословно. Читатели «Литературной газеты», возможно, помнят, что три года назад я выступила со статьей «Талант и должность», а затем, под напором потока читательских писем, еще с двумя статьями. Сколько разных судеб, сколько запутанных историй, сколько животрепещущих вопросов вставало в этих письмах! Чувствовалось, что проблема кадров — жизненно важная, острая, первоочередная. А письма все шли и шли...

Я хочу рассказать сегодня только одну историю, — из многих. Я выбрала ее потому, что она вопиет о живучести старых методов и привычек и поднимает ряд насущнейших вопросов.

ОДИН ЧЕЛОВЕК — И 10 416 БУМАГ

Это случилось в небольшом шахтерском городке Ватутино Черкасской области. Юрий Иванович Примак перед самой войной закончил горный институт, всю войну провоевал, а после войны стал опытным специалистом по угледобыче открытым способом — главный механик, затем главный инженер, а с 1954 года начальник Юрковского угольного разреза. За десять лет на этом посту в дополнение к военным орденам и медалям Юрий Иванович получил орден «Знак Почета» и знак «Шахтерская слава», был занесен в «Золотую книгу почета», неоднократно получал благодарности и премии, неизменно избирался депутатом и членом исполкома Ватутинского горсовета... Примака любили и уважали за трудолюбие и скромность, за сердечную отзывчивость и умение работать с людьми.

Истоки этой истории восходят к 1963 году, когда в «Ватутинугле» затеяли реорганизацию. Дело в том, что в полутора километрах от Юрковского разреза строился новый, Звенигородский, и Примак руководил его строительством — угольные ресурсы Юрковского разреза шли к концу, коллективу предстояло перейти в Звенигородку. Но вот решили создать самостоятельное стройуправление. Примак выступил против, так как это увеличивало аппарат ИТР и служащих (на 90 человек), заставляло строить новые складские помещения и различные службы. В официальных докладных записках Примак предлагал в целях экономии государственных средств продолжать строительство силами ОКС (Отдела капитального строительства) Юрковского разреза, но просил добавить в его аппарат несколько специалистов-строителей. Видимо, настойчивость Юрия Ивановича кое-кому не понравилась. Во всяком случае, с его мнением не посчитались, отдельное стройуправление создали, а начальником его решили назначить... самого Примака.

Примак отказывался, так как он не строитель, а начальство настаивало. Споры достигли такого накала, что секретарь парткома В. И. Бурый (ныне второй секретарь райкома) угрожал Примаку привлечением к партийной ответственности вплоть до исключения из партии. Пришлось подчиниться, тем более что Бурый сказал:

— Будешь строить для себя же. Построишь и останешься на эксплуатации нового разреза. Это я тебе говорю.

И еще была причина для согласия — морально-этическая. Примак уговорил многих рабочих своего разреза поработать на строительстве, хотя они теряли там право на шахтерское вознаграждение за выслугу лет, что у многих составляло до 30 процентов зарплаты. Примак тоже терял на этом 50—60 рублей в месяц.

— Совесть заставила меня дать согласие. Не подумали бы, что я из-за денег отказываюсь! — объясняет Примак.

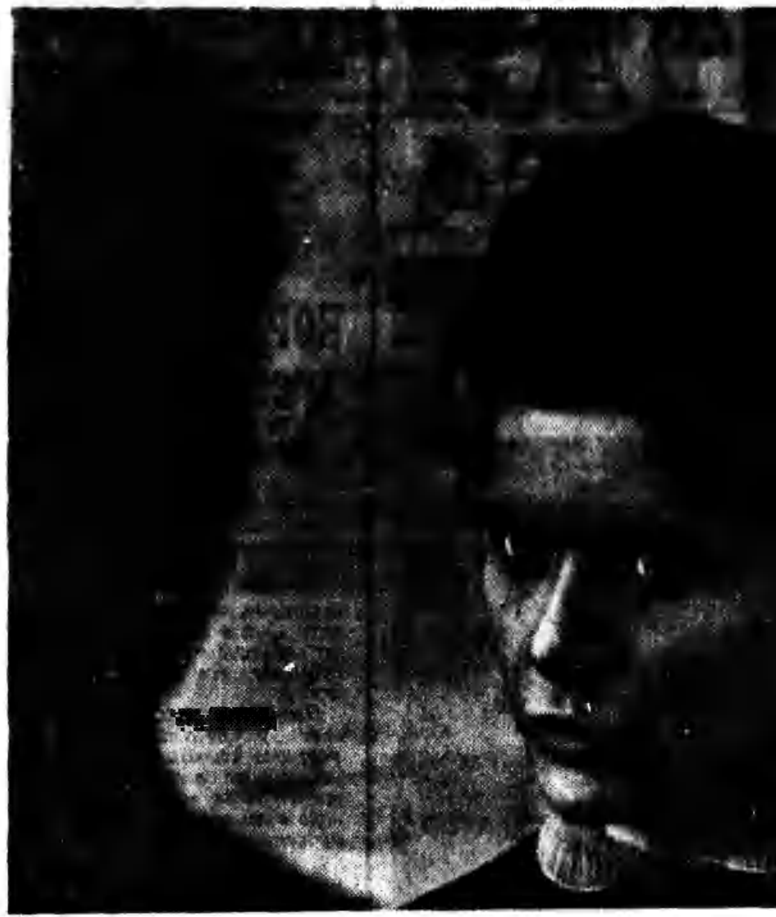
17 января 1964 года приказом управляющего «Ватутинугля» Н. К. Мамая тов. Примак был назначен и. о. начальника стройуправления. Прошу читателей обратить внимание на эти две буковки — и. о. Для того чтобы эти две буковки были сняты, требовался приказ Киевского угольно-горно-топливного треста — уже без этих двух букв. Теперь спорят: почему это не было сделано? Говорят, надо было послать листок по учету кадров, а Примак все забывал заполнить листок! Как бы там ни было, доверенность на руководство управлением была выдана Примаку без роковых букв и. о., так же адресовались ему все бумаги из Киева и из «Ватутинугля». Мы видели эти документы, видели запись в трудовой книжке Примака — тоже без и. о.!

Работа нового управления пошла хорошо. Примак сплотил дружный трудовой коллектив, план строительства перевыполнялся. Были ли недостатки, упущения? Были, конечно. Случалось, на одном участке дело задерживалось, на другом разворачивалось быстрей. В начале марта 1965 года в результате неожиданно бурного весеннего паводка подтопило часть горных выработок, что привело (по официальному представлению Н. К. Мамая) к потере 80 метров проходки. Не мне судить, так ли это много — 80 метров проходки, но в мае стройуправление получило Красное знамя РК КПСС за хорошую работу в первом квартале и второе Красное знамя «Ватутинугля» и горкома угольщиков — за хорошую работу в марте. А в это время...

В это время произошел малоприметный эпизод. Несколько незнакомых людей приехали в Ватутино, походили по городу, оглядели домик, где жил Примак с семьей, и уехали. А через несколько дней управляющий киевским трестом К. А. Подшибиткин вызвал к себе Примака и предложил ему новую должность с повышением — главного инженера Коростышевского рудоуправления. Примак отказался —

(Окончание на 2-й стр.)

НАШ СОВРЕМЕННИК



Учительница

Фото М. Халиненёго

«ПРОВОЖАТЬ И ВСТРЕЧАТЬ...»

Виктор ИЛЬИН

ПРЕДСТАВИМ себе большой приморский город. Ну, хотя бы Ленинград. Бал в морском училище. Ладные, крепкие парни в щегольской морской форме. Остроумие, вежливость, мужество. И она. Студентка третьего курса университета, пединститута, медфака, геологического. Это неважно в конце концов. Важно другое: сдан сопромат — можно играть свадьбу, так говорят вузовские традиции. И свадьба играется, — конечно, не сразу, через год-два.

А потом выпуск и назначение. Вчерашний курсант становится лейтенантом. И вчерашняя филологичка, терапевт, кораблестроитель и т. д. оказывается в Н-ском гарнизоне.

У мужа сразу же забот через край: служба есть служба. А у нее только хлопоты по дому. Хочется, чтобы было в комнате уютнее, чтобы ждала мужа вкусная еда (вот они откуда, хрупкие женщины с неподъемными чемоданами на борту рейсовых катеров). День идет за днем. Похожие один на другой, утомительные в своем однообразии.

Потом разговор с соседкой, такой же молодой, с высшим образованием, любящей Хемингуэя, Мравинского, тоскующей по театру Акимова. И последняя капля, переполняющая чашу: письма от подруг и друзей. В них заботы и радости, открытия и разочарования, каких *она никогда не испытает и не узнает*...

В итоге беседа с политработником базы, гарнизона, соединения: дайте хотя бы какую-нибудь *работу*. Согласна быть библиотекарем, фельдшером, инспектором, воспитателем, учителем.

А что может ответить политработник? Школа укомплектована, врачей избыток, библиотекарь есть. Вот можно создать драмколлектив, организовать курсы кройки и шитья, стать членом женсовета...

А мужа все нет. Ушел в автономное плавание. И нет от него писем, нет телеграммы ко дню рождения, к годовщине свадьбы. Только иногда политработник или офицер из штаба соединения скажет: «Ваш муж просил передать привет».

И некому пожаловаться, посетовать. У соседки то же самое. Родители далеко, да и не хочется их расстраивать.

Некоторые не выдерживают, уезжают. С тем же чемоданом, что и приехали, оставив уклончивую записку.

Большинство — остаются. Остаются, потому что любят. Потому что уже успели понять тяжелую морскую службу.

Об одной из таких подруг морских офицеров я и хочу рассказать.

Ее имя Виктория Павловна, Вика. Она ленинградка. Профессия — геолог. В квартире на ковре рядышком кортик мужа и геологический молоток — память о двух годах работы где-то в Сибири. Двое ребятишек: сын — он во втором классе — и дочь-дошкольница. Ни кортик, ни молоток детям не позволяют трогать: вот когда вырастете...

Иногда мама начинает перебирать фотографии и делается почему-то рассеянной и как будто печальной. Тогда Димка и Иришка поют маме песню про геолога: «Держись, геолог! Крепись, геолог!» Так бывает, когда папы долго нет дома. «У подводников дом в море, — говорит папа, — на берегу — в гостях».

Когда ребята запевают эту песню, Вика начинает улыбаться. Она обнимает детей, усаживает на колени и старается, чтобы они не смотрели на ее лицо с дрожащими на ресницах светлыми капельками.

...Уже третьи сутки штормило. Даже в бухте волны были большими. Они бухали в берег, с шумом взлетали вверх, и ветер срывал с них белую пену. Говорили, утром прибой выбросил на берег тюлененка. И все на базе очень жалели его. Димка уговаривал маму пойти на берег и принести его, вдруг он еще живой.

Мама сердито говорила Димке, чтобы он не морочил ей голову, потому что она еще не сошла с ума, ходить в такую погоду на берег. Взрослые, сильные матросы и то не ходят по одному в такой ураган. И Димке было обидно, что мама трусиха, а еще геолог. Говорила ему, что не боялась одна ходить в тайгу, *а сейчас боится*. И, обидевшись, он стал рисовать в своем альбоме морской бой. Он рисовал и пел. Вот так будет бить врага его папа!

— *Тихо!—вдруг прикрикнула* мама и указала на репродуктор.

— Товарищи, — повторил голос в репродукторе. — С одним из матросов базы случилось *несчастье*. Положение тяжелое. Нужно срочно перелить кровь. Кровь группы ноль. В санчасти такой мало. Командование базы обращается с просьбой ко всем, у кого такая группа крови, немедленно прибыть в санчасть. Повторяю, нужна кровь нулевой группы...

— Ты куда, мам, куда? — испуганно спросил Димка, увидев, что мама торопливо снимает с вешалки черную папину плащ-накидку. — Не ходи! Там же ураган! — И он всхлипнул. — Не ходи, мама!

—А-а-а! — зашлась криком Иринка и вцепилась в полу накидки.

— Тихо! — сказала мама совсем по-папиному. — Что за шум, что за рев? Дмитрий, ты гляди за Иринкой! Я сейчас, сейчас... Потом все расскажу. — Иринка не унималась. Тогда мама сказала: — Дима, дай ей поиграть моим молотком. — Она наклонилась к дочери, чмокнула ее, погладила Димкин взъерошенный ежик и открыла дверь, за которой ревел и грохотал прибой.

Мама вернулась поздно. У нее было бледное и усталое лицо. Она насыпала в стакан сахару, много, чуть не половину стакана, налила воды и выпила. Потом еще.

Димка обиженно и негромко сказал, кивнув на уснувшую прямо на диване в обнимку с молотком сестру:

— Нам-то с ней не даешь много сладкого, а сама-то... Я папе скажу, вот увидишь!

И сказал, когда отец вернулся из дальнего похода. Он ждал, что папа поддержит их с Иринкой, но отец только засмеялся и уже совсем непонятно почему сказал, что героям положено есть сладкое сколько хочешь. Правда, он тут же добавил, что раз у них мама герой, значит и им, геройским детям, тоже можно побаловаться сладким. И высыпал на стол целую горку плиток шоколада — бортовой дополнительный паек, который дают подводникам в море.

НЕ МЕД военная служба и жизнь в Заполярье. Не легче она подчас и в других гарнизонах, частях, Н-ских пунктах и городках. И дело не только в материальных тяготах, хотя и они заслуживают разговора, серьезного внимания. Ведь в конечном счете ракета, поразившая цель, стартует с помощью людей, а для людей важен нормальный быт—в гарнизонах и частях чаще всего налаживаемый только *большим повседневным* трудом и стараниями жен. И в значительной степени именно от их усилий зависит крепость семьи. Да, женщина, жена — хранительница семейного очага, равноправный воспитатель детей вообще, а в семьях офицеров, подверженных всем неожиданностям армейской жизни, — в особенности. И ей это написано на роду — без всяких кавычек и иронизирования.

Очень точно, по-моему, сказал о жизни и судьбе офицерских жен поэт Евгений Долматовский:

Все равно, лейтенантши вы иль
генеральши.
Есть в спокойствии вашем
тревоги печать.
Вам ложиться поздней,
подниматься всех раньше.
Ожидать и молчать, провожать и
встречать.

И вместе с поэтом мне хочется повторить:

Низко кланяюсь вам,
офицерские жены.

ВНИМАНИЕ — КАДРЫ!

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

всю жизнь работал непосредственно на угледобыче, сидеть в аппарате казалось неинтересным, да и менять место жительства было рискованно — сынишка болен туберкулезом, здесь ему помогают и врачи, и педагоги...

Прошло немного времени, и К. А. Подшибиткин сам прикатил в Ватутино. Теперь он уже настаивал, чтоб Примак подал заявление об уходе, а его голосе прозвучали первые раскаты грома: «его немедленно нужно было снимать с работы...» А еще через несколько дней в Ватутино приехал один из недавних незнакомцев. Приехал с приказом киевского треста от 25 мая 1965 года за подписью К. А. Подшибиткина о том, что он, А. С. Усошин, назначается начальником стройуправления. И. К. Мамай тотчас издал свой приказ: «1. Принять к сведению, что начальником... назначен Усошин А. С. 2. И. о. начальника управления Примака Ю. И. освободить от занимаемой должности».

Вот так. Одного назначить, другого освободить. И. о.!

Новую работу, начальником шахты 4-бис, Ю. И. Примак получил только 12 июля, то есть через полтора месяца. За эти полтора месяца «в порядке трудоустройства» Примаку делались предложения, иногда оскорбительные для опытного горняка, скажем, начальником снабжения... на тот самый Юрковский разрез. Полтора месяца энергичный, работящий человек промаялся без работы.

— Приказ был неожиданным. Как снег на голову, — говорит Е. В. Шумаков, начальник отдела кадров и секретарь парторганизации «Ватутинугля». — Провинился Примак? Нет. Ничего понять не могли. Все причины. Сорвали с одной работы, потом с другой. Не солидно.

Вот уже много месяцев Примак руководит шахтой 4-бис, дела на шахте идут хорошо, новый начальник заслужил уважение шахтеров. А душевная травма осталась. Что-то надломилось в человеке, как говорит его жена, «улыбок и смеха не стало в доме»...

Нелишне будет отметить, что в то же время, когда разыгрывалась постыдная история с Примаком, у работников киевского треста и совнархоза было много забот, связанных с предстоящими реорганизациями, подчинениями и переподчинениями. Какие учреждения останутся, какие штаты, кого куда назначат?.. Все старались доказать, что они нужны, и в результате развили бурную бумажную деятельность. Если в 1964 году в «Ватутинугле» было получено сверху около 4 000 директив и указаний, то в 1965 году поток бумаг был рекордным — 10 416.

10 416 бумаг написали, а хорошего работника проглядели, обидели, оскорбили...

НЕУЖЕЛИ НИКТО НЕ ЗАСТУПИЛСЯ!

Передо мною лежит письмо Ивана Григорьевича Попкова, машиниста экскаватора, коммуниста, заслужившего честь быть делегатом XXII съезда КПСС и делегатом XXI съезда КП Украины. Он пишет:

«Примак пользовался поддержкой и уважением всего коллектива, но с мнением коллектива никто не посчитался. После этого факта люди потеряли веру в справедливость... Мне кажется, что в преддверии XXIII партийного съезда вопросы демократии, уважения к мнению коллектива и достоинству человека представляют большой интерес».

Это письмо не единственное.

Письма требовали расследования, и на место выехал корреспондент «Литературной газеты» М. С. Вознесенский. Ватутино было занесено необычными сугробами, прервавшими движение по городу, но весть о том, что приехал корреспондент для расследования, разнеслась мгновенно. С шести часов утра и до ночи к корреспонденту *приходили люди*:

— Я насчет Примака. Очень хорошо, что вы приехали...

Так бывает только в случаях, когда люди всерьез задеты, не примирились со случившимся и не могут примириться!..

Корреспондент познакомился со всеми документами, беседовал с десятками людей, в том числе и с тов. Усошиным.

Кстати, Усошин хотел отказаться от назначения, увидев реакцию строителей на снятие Примака, но ему не позволили — «поздно»! Коммунисты строительства говорили на своем собрании: понадобилась должность для другого, вот Примака и сняли!

Собрание это состоялось через несколько дней после нежданного приказа. Пригласили на него и тов. Бурого из РК партии. Бурый обещал прийти, но не пришел. Коммунисты были взволнованы и около пяти часов обсуждали эту историю. Решение было единодушным: из 59 человек 57 голосовали за резолюцию, осудившую снятие Примака, и только 2 человека голосовали против, причем один из них — тогдашний секретарь парторганизации Король — объяснил, что голосует против по формальной причине, поскольку Примак — номенклатурный работник!..

Вступился за Примака и депутат Верховного Совета СССР Виталий Иванович Дубинин, бригадир шагающего экскаватора. Был он у Мамая, ходил в райком к Бурому, ездил в Киев к Подшибиткину.

— Примак прекрасный руководитель, — говорит Виталий Иванович, — в силу своих депутатских полномочий мне приходится сталкиваться с многими руководителями, но сравнить с ним я никого не могу. И ведь это я его уговаривал перейти в стройуправление! А теперь разрез почти построили, самое трудное сделали и — на тебе! — сняли. В этом деле кое-кто покривил душой.

— Произошло явное беззаконие, — говорит старый коммунист инженер Михаил Федорович Балакин. — Как это можно в наше время! Наперекор общественному мнению! Жаль, что наш райком оказался не на высоте! Ведь такую несправедливость сделали.

Да, и райком, и хозяйственные руководители в данном случае *оказались не на высоте*. Они не захотели или не сумели понять, какие важные и благотворные процессы нашли свое выражение и в этом пятичасовом партийном собрании, и в активных действиях многих людей — от рабочего-депутата до девушек-разнорабочих.

Ведь это и есть то самое, к чему ведет, к чему призывает партия! Рабочие с каждым днем будут все больше и заинтересованней участвовать в управлении производством, влиять на весь ход дела и качество руководства. Их привлекает не только доля прибыли, которую они получат за хороший труд, — им отнюдь не безразлично, кто и как ими управляет, в интересах ли дела происходят те или иные перемены. Они имеют право участия и право контроля. Снимаете работника? Соберите коллектив или хотя бы партийно-хозяйственный актив, поговорите начистоту, вскройте все упущения, выслушайте людей, объясните! И берегите, поддерживайте с партийной заботливостью все проявления активности и хозяйского самосознания рядовых тружеников!..

Поступили по-иному, непродуманно, несправедливо, — это теперь ЧП, политический срыв. Послушайте, тов. Бурый, тт. Мамай и Подшибиткин, что говорят об истории с Примаком рабочие в Ватутине: «руки опускаются», «веру теряем, огонек в душе тухнет»...

Это серьезно, товарищи, это очень серьезно!

ПОЧЕМУ ЖЕ ЭТО МОГЛО ПРОИЗОЙТИ!

Произошло это ЧП только потому, что еще бытуют у нас старые, негодные методы подбора кадров и обращения с ними — плохо изучают деловые и человеческие достоинства работника, мало считаются с тем, авторитетен ли он, умеет ли, любит ли по-партийному работать с людьми.

Теперь и в «Ватутинугле», и в киевском тресте отмахиваются от «старой истории», пытаются доказать, что Примака «просто перевели на другую работу», что протесты ватутинцев якобы «подстроены» и «раздуты» и т. п. Все организации, куда писали ватутинские коммунисты, не разбираясь в существе вопроса, отделывались сухими отписками: «у Примака были упущения в работе»...

С последнего и хочется начать, *поскольку различные* упущения или ошибки чаще всего служат удобным поводом для избавления от неугодного человека. Да, у *каждого работника возможны* упущения и ошибки. Но ведь известно и то, что на ошибках люди учатся. Пострадав один раз от бурного паводка, строитель на будущий год с февраля начнет запрашивать, каковы весенние прогнозы. Так ведется в любом деле, потому и ценится опыт. Видимо, так считал и тов. Подшибиткин, пока ему не понадобилась должность для Усошина. А тогда начали судорожно подбирать «порочащие» Примака материалы — убыток из-за паводка, дренажные работы запустил... Думал ли при этом тов. Подшибиткин о сравнительной ценности двух работников — старого и нового? Вряд ли. Достаточно заглянуть в итоги 1965 года в Ватутине. Ну хотя бы по дренажным работам: в первом полугодии (под руководством Примака)—1 628,8 метра, во втором полугодии (без Примака) —1 468,9 метра. А может, поглядим финансовые показатели? В целом за 1965 год экономия по стройуправлению составила 65 тысяч рублей, причем в первом *полугодии экономия* была 94 тысячи рублей, а во втором убыток 29 тысяч рублей (94 — —29=65). Есть о чем задуматься!

Случившееся было бы невозможно, если бы руководители «Ватутинугля» и киевского треста по-настоящему изучали положение дел на месте, если бы они привыкли смотреть не только вверх, на свое начальство, но и вниз — на рядовых работников. Тогда не намекали бы, что Примак-де зарабатывал «дешевый авторитет» у рабочих. Давайте разберемся: дешевый это авторитет или дорогой? Начальник строительства не ограничивался производственными и административными делами. Он бывал в домах и общежитиях рабочих, проявлял заботу о том, чтобы всем жилось лучше. Молодежь видела в нем своего верного друга. На прием к начальнику рабочие приходили не только по трудовым, но и по семейным делам, и начальник иной раз помогал восстановить мир в семье или обуздать сбившегося с пути сына. Он заботился о том, чтобы люди росли, убеждал передового рабочего поступить в техникум или вечернюю школу, интересовался тем, как идет учеба. Недаром самые разные люди подчеркивали, что он служил для них образцом коммуниста! И это — «дешевый авторитет»? Думаю, что это авторитет самый дорогой, что это авторитет настоящего коммуниста, отличающий его от администратора с партбилетом. Вспомним, как Ленин неизменно интересовался, пользуется ли тот или иной работник авторитетом у масс, как он неизменно подчеркивал, что главнейшие качества коммуниста — умение работать с людьми и жить их интересами, способность руководить людьми, не отрываясь от них!..

Нет, не «подстроишь» общественное мнение! Ватутинские строители знали, кого и почему они защищают. Зато каким стародавним, казенно-бюрократическим духом несет от высказываний некоторых ватутинских руководителей, в том числе и партийных, что коммунисты вообще не имели права обсуждать вопрос о снятии номенклатурного работника, а Примак не имел права обращаться к своей партийной организации, поскольку он в номенклатуре! Разве эта самая «номенклатура» — заслон от масс? Право жить и работать над своим коллективом, а не вместе с ним? И не требует ли партия оценивать каждого конкретного человека по его таланту и энергии, авторитету и знаниям? Мало ли мы знаем весьма посредственных, неспособных людей, которые перетягиваются с одной работы на другую в своей номенклатуре, не доставляя ни пользы делу, ни радости окружающим?!

Именно такого типа работники, оберегая свой покой, больше всего не любят людей самостоятельных и беспокойных, из тех, кому «до всего есть дело». Вот ведь задумали создать отдельное управление, а человеку «больше всех надо» — подает официальные докладные, как сэкономить государственные деньги... Читатели поймут меня — я опираюсь на факты ватутинской истории, поскольку выбрала именно ее, но говорю я вовсе не о частном случае, он — лишь повод для раздумий и вопросов. В самом деле, разве только тов. Бурый и только о тов. Примаке высказал подобное суждение: «Трудно иметь подчиненного с таким характером»?

Вот оно — главное! Беспокойный характер!.. Скажем прямо, начальствовать по старинке легче, если подчиненный угодлив, своего мнения не отстаивает, инициативы и самостоятельности не проявляет. Конечно, и такой все 10 416 указаний не выполнит, но хоть сделает вид, что старается, хоть споров не будет... Не пора ли понять, что люди беспокойные, самостоятельные, упорные в отстаивании своей точки зрения — наше богатство. Сейчас просто необходимо научиться ценить людей беспокойных и творческих, не боящихся говорить правду в глаза, умеющих отстаивать свою точку зрения.

Оговорюсь сразу — иногда случается, что бузотеры и склочники пытаются выдавать себя за радетелей блага народного и борцов за правду. Их разоблачает именно то, что они шумят и вопят, а дела не делают и о деле забывают. В данном случае нет решительно никаких оснований заподозрить хоть что-либо подобное.

Остается еще заступник, на которого охотнее всего ссылаются: «А жена? Жена-то письма писала?» Да, писала. Жена и друг всей жизни Юрия Ивановича, учительница Галина Николаевна Примак пережила немало: во время войны оказалась на территории, оккупированной немцами, за сочувствие партизанам была схвачена гестапо, просидела полтора года в концлагере, во время переезда в другой лагерь бежала из эшелона, была несколько раз ранена. Все это, конечно, сказалось на ее здоровье, на нервах, но в дружной семье, в атмосфере общего уважения и любви она ожила, справлялась с болезнью. И вдруг неожиданный и нелепый удар. Ни за что, ни про что. Оскорбленный и подавленный обидой, полтора месяца сидит дома любимый человек, молчит, стыдится выйти на улицу... И жена не стерпела, тайком от мужа вступила в бой за него. Плохо это? По-моему, очень правильно, — значит, настоящий друг, значит, ни на минуту не теряла веры, что справедливость должна восторжествовать. Это куда достойней, чем плакать или ворчать втихомолку или жаловаться соседям!

Прав, решительно прав машинист Иван Григорьевич Попков: **в преддверии XXIII партийного съезда вопросы демократии, уважения к мнению коллектива и достоинству человека представляют большой интерес.**

Я надеюсь, что предстоящий партийный съезд скажет свое веское слово о больших и насущных проблемах кадров, потому что именно люди определяют и всю общественную атмосферу страны, и успех новых грандиозных планов.

МОЗАИКА пародии, юморески, эпиграммы, реплики.

МЕЖДУ НАМИ, ЖЕНЩИНАМИ...

НАШ корреспондент Наталия Сухаревич обратилась к некоторым читательницам и авторам «Литературной газеты» с тремя наводящими вопросами:

1. Чем лично для вас день 8 марта отличается от остальных дней?

2. Помните ли вы случай, когда мужчина проявил воображение при выборе подарка?

3. Стоит ли учредить специальный мужской день?

На эти вопросы любезно согласились ответить:

АЛЛА МАСЕВИЧ, ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК, ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АСТРОНОМИЧЕСКОГО СОВЕТА АКАДЕМИИ НАУК СССР:

● Нагрузкой, которая может быть выражена только в астрономических числах. Ежегодно с 2 по 8 марта напрягаю силы, чтобы поспеть на многочисленные собрания, заседания, вечера, куда меня приглашают в качестве «свадебного генерала».

● Был такой мужчина, Юрий Гагарин. Както на вечере в Доме ученых в честь 8 марта он очень мило признался, что слал женщинам воздушные поцелуи даже из «безвоздушного пространства».

● Безусловно. И праздновать его так же, как женский день. Чтобы мужчины бегали с собрания на собрание, рассказывали о своей работе и доказывали, что они — люди.

ГАЛИНА СУШКОВА, СТАРШИЙ ПРОДАВЕЦ МАГАЗИНА «ПОДАРКИ»:

● Пожалуй, это единственный день, когда нашими покупателями бывают только мужчины.

● К сожалению, главным образом воображение приходится проявлять нам, продавщицам. При этом учтите, что в такой день мы продаем 15 тысяч подарков.

● Стоит. С условием, чтобы в этот день за прилавками магазинов «Подарки» стояли мужчины.

НОННА ГАПРИНДАШВИЛИ, ЧЕМПИОНКА МИРА ПО ШАХМАТАМ:

● Хотя 8 марта в Белграде буду сидеть за шахматным столиком на абсолютно женском турнире, боюсь, что без участия мужчин даже это наше внутреннее женское дело не обойдется. А судьи кто?!

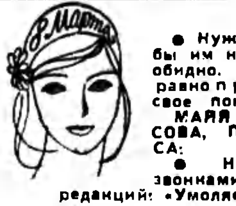
● В такой день, как правило, хоть один мужчина да предлагает мне сыграть партию. И если даже он сильный противник — с первых же ходов стремится проиграть, наивно воображая, что делает подарок. Поэтому в этот день я категорически отказываюсь играть с мужчинами.

● Пожалуй, да. Хотя бы для того, чтобы доказать, что у нас, женщин, больше воображения при выборе подарка.

Л. СИНИЦЫНА, ВОДИТЕЛЬ ТАКСИ МТТ 45-63:

● Если в этот день опаздываю в гости, то начинаю понимать, как тяжело быть пассажиром: достать такси прямо невозможно.

● Был один такой, с воображением. Ездили мы с ним, ездили по всей Москве, чуть ли не целый план с ним выполнила. Думала: выберет что-нибудь особенное. А он купил... духи.



● Нужно. Чтобы им не было обидно. Чтобы равноправие свое понимали.

МАЙЯ БОРИСОВА, ПОЭТЕССА:

● Ночными звонками из редакций: «Умоляем прислать для подверстки шесть-восемь талантливых, как и все, что вы пишете, таких женских, женских строк!..»

● В моей жизни такого случая, к счастью, не было. Воображение проявил соседкин муж, сказав ей: «Дорогая, я не смею ограничивать твои потребности и навязывать свой несовершенный вкус. Возьми из хозяйственных денег сколько надо и купи себе, что нужно».

● Все мы знаем, что бывают такие дни, когда мужчины норовят собраться своей компанией и уйти из-под контроля жен. Учредив мужской день, мы сможем быть спокойны: вместо хмельного времяпрепровождения мужчинам придется выслушивать похвалы и получать премиальные отрезы на брюки. Если при этом рядом с актовыми залами оборудуют комнаты «Отца и младенца», — этот день станет любимым женским праздником.

А. ШЕСТАКОВА, СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ МИЛИЦИИ:

По существу заданных вопросов могу пояснить следующее:

● В этот день мои коллеги — мужчины так обходительны, что я чувствую себя полноценной.

● До сих пор не могу решить, от недостатка или от избытка воображения некоторые мужчины даже в этот день умудряются «нарушать».

● Нет, не нужно. Это отнимет у женщин последнее преимущество.

ВАРВАРА КАРБОВСКАЯ, ПИСАТЕЛЬНИЦА:

● Продолжительностью — от трех недель до двух месяцев. Заказы на очерки, статьи, памятки, рассказы начинаются даже с января. А я убеждена, что писать к этому дню должны мужчины, разумеется, по велению сердца.. Но полученный гонорар хорошо бы поручить передать анонимным писательницам, уступившим им мартовские страницы.

● Неизменно! В течение 25 лет нашей супружеской жизни мой муж повторяет счастливо найденную формулу: «Выбери то, что тебе нравится, а я пойду и куплю...». Он почему-то уверен, что я не выберу в виде подарка кругосветное путешествие.

● Ни в коем случае! А чьи же будут остальные 364 дня? Да наши дорогие мужчины почувствуют себя обездоленными».

ВЕРА МАРЕЦКАЯ, НАРОДНАЯ АРТИСТКА СОВЕТСКОГО СОЮЗА:

● Заранее предвидя многочисленные обиды со стороны друзей, знакомых и родственников, ждущих меня в этот день в гости, рассылаю им праздничный график своих спектаклей, концертов, выступлений, съемок и радиозаписей. Сочувствуют до 1 Мая.

● Богатое мужское воображение в этот день наталкивается на очень сложную дилемму: цветы или коньяк. После недолгих колебаний свой выбор мужчины почему-то останавливают на коньяке.

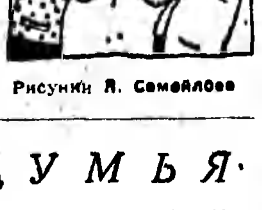
● По-моему, просто необходимо. Чтобы мужчины, наконец, поняли, как все-таки надо проводить женский день.

М. П. КОЗЛОВА, КОЛХОЗ «РОССИИ» РЯЗАНСКОЙ ОБЛАСТИ:

● 7 марта в колхозном клубе всегда бывает женский вечер. Ну, а 8 утром встаешь, как обычно: поросенок, гуси, кролики — разве они знают, что у меня праздник?

● Был такой случай. Сынок мой семилетний на 8 марта подарил мне погремушку и пустышку. «Чего это ты, сынок», — спрашиваю его. «А я, — говорит, — хочу, чтобы вы с папкой мне братика купили».

● А зачем им особый день? Им и в женский неплохо. Муж мне подарки дарит, а я целый день готовлю. Плохо мужу, что ли?



Рисунки Я. Самойлова

Ирина ВИЛЬДЕ

ПЛОДЫ РАЗДУМЬЯ

Когда нам долго не отвечают, хватаемся за последнюю иллюзию: письмо, очевидно, пропало на почте.

●

«Эгоизм»! «Эгоизм»! Еще не хватало, чтобы мы сами себе перестали нравиться...

●

Моя знакомая разбила о камень часы, ибо они ей напоминали о быстротечности времени. О какую скалу разбивать тогда восход и закат солнца?

●

Ошибочно думать, будто красивые женщины интеллектуально менее развиты. Просто они, как хорошие хозяйки, дают отдохнуть уму там, где его легко может заменить красота.

●

Каждая мать мечтает, чтобы ее дитя было «необыкновенным», забывая, что больше всего счастливых как раз среди обыкновенных людей.

●

Заслушиваясь отзвуками прошлого, вглядываясь в миражи будущего, мы часто не замечаем самого ценного: музыки сегодняшнего дня.

НАШ СОВРЕМЕННИК

У библиотекаря Гали Нуруллиной из колхоза «Гигант» Челнинского района Татарской АССР более 800 читателей. Она частый гость у механизаторов и животноводов. Вот и сейчас Галя едет к своим читателям со свежими газетами и журналами.

Фото Ф. Габдуллина.

ИЗ ЛИРИЧЕСКИХ ДНЕВНИКОВ

Инна ЛИСНЯНСКАЯ

Слова

О, как слова меня томили!
[illegible], как льдинки со лба.
Второстепенный смысл таили
Первостепенные слова.
И гвоздь
Мне слышался гвоздиной,
А голубое — голубиной.
И постепенно все смешалось, —
Налилось мне серебром...
И жизнь уже не совмещалась
С моим печальным ремеслом.
Она была перед глазами
И все же пряталась меж строк.
Так между книжными листами
Кленовый прячется листок.
И только
Перед ликом смерти
Все обрело свои места,
Стал гвоздь
Гвоздем в своем отверстье,
И стала небом высота.
И мне в больничное окно
Светило солнышком оно.
Я воскресала постепенно,
И жизнь взяла свои права,
Где суть вещей
Первостепенна
И производны все слова.

Март-месяц

Покатилась яблоком
Далеко-далеко,
В те края, где зяблики
Да в снегу дорога.
Зяблик клюнул — выплюнул,
Снег упал — растаял.
Воротник мой вылинял —
Лиса моя простая.
Слава моя — пресная,
Свету — в три пастила!
Куда ушла привязанность,
Когда любовь настигла?!
Не плачь, не плачь, именинница!
В привычке мало чести.
И так у марта-месяца
Глаза на мокром месте.

Бери и помни

Беря я помню — есть игра.
И я всю жизнь в нее играю.
Беру и помню, Ангара,
Тебя от края до края.
Нехитро вдоль тебя жилье,
И хитроумны все машины,
Смешливо вдоль тебя бабье,
Серьезны вдоль тебя мужчины,
И молоды все, как нигде,
И, как нигде, все очень важны.
А белый парус на воде
Всего, как в небе змей бумажный.
Беру я помню!
Проплывай!
Здесь столько разных иностранцев
Хотят запомнить этот край,
Что мне уж нечего соваться,
Стою тихонько в стороне,
Стою без фотоаппарата.
Не нужен мне он, как не надо
Мне толмача в моей стране.
Беру, и помню, и люблю.
К начальству я в друзья не лезу
С таксистом вежливым пылю
По асфальтированному лесу.
Вдоль Ангары, вдоль Ангары,
Где диабазы так высоки,
Беру и помню все дары,
И все долги, и все уроки.

☐

Лариса РУМАРЧУК

Мы не себе принадлежим

Мы не себе принадлежим,
Нам до себя и дела нету.
И мчится рыжая ракета
Над шаром грозным и большим.
О чем грустят его леса?
Ведь мы бессонно их растили.
О чем трубят в чугунной пыли
Земных заводов корпуса?..
О чем кричат его цветки,
Когда,
бросая набок травы,
Гремят тяжелые составы
И по стеблю проходит ток?..
А тучи, что понять хотят,
Когда над белым обелиском
Они стоят так низко-низко
И молча на него глядят?..
Мы не себе принадлежим:
Мы варим сталь и крошим атом,
И все ж порою виновато
На землю нашу мы глядим...
И, выйдя в утреннюю стынь,
Перед красой земли немея,
Снимает шапку перед нею
Ее большой упрямый сын.

☐

Аида ФЕДОРОВА

⁂

Когда расшиты клиньями
Осенние луга,
Сибирь пригожа лайками,
Как лисами тайга.
Ныряют лайки, мечутся,
Стократ меняют след,
Растут, крепчают,
меньшатся,
Истаяв — в нет.
А нету — так охотнее
Нам каждый их наскок.
И греет в нас охотничий
Азартный холодок.
Шумит.
Его мы шапками
Хватаем.
Каждым ртом.
Холодное ли? Жаркое?
После разберем.

⁂

Обочина.
Следы от колеса:
Обочина вчера была дорогой.
Товарищи уходят понемногу,
Товарищи меняют адреса.
Еще вчера весельем клокотал
Наш муравейник,
мудрое жилище.
Теряет тот,
кто ничего не ищет.
Находит тот,
кто много потерял.
Но кто ведет
утратам нашим счет?
Кто делит дробь?
Кто извлекает корень?
Сыты по горло
горечью и горем,
Сыты по горло
счастьем наперед.
Лишь иногда —
следы от колеса...
Как смолкнуть сердцу?
Как унять тревогу?
Обочина вчера была дорогой:
Товарищи меняют адреса.

ВРЕМЯ, ВПЕРЕД!

РЕЦЕНЗИИ

ЭТА книга не окончена: ее главный герой, писатель Валентин Петрович Катаев, по-прежнему, как и три десятилетия назад, ездит по командировкам «Правды» на Магнитогорский комбинат, выступает с газетными очерками, полон новых замыслов. В будущем году он отметит свое семидесятилетие; позади — более полувека литературной работы, большой путь, пройденный вместе со всей советской литературой, громадный индивидуальный опыт, вобравший в себя мудрость трех революций, горечь многочисленных войн, тяжелейшие народные испытания и великие праздники надежды... Почти на глазах писателя необъятный ранее земной шар превращался в маленькую голубую планету, обнаруживая все новые и новые человеческие связи. В произведениях Валентина Катаева это движение времени ощутимо почти физически, и не случайно автор рецензируемой книги критик Людмила Скорино озаглавила свою работу «Писатель и его время».

Как раз самое ценное в этой увлекательной книге — ощущение поступи десятилетий, их преломление в творческой практике писателя, сумевшего пронести через свои произведения чувство романтической окрыленности революцией.

Насколько сложен был путь писателя к этой исторической, сейчас очевидной истине, показывают начальные главы монографии Л. Скорино, написанные наиболее темпераментно и глубоко. От первого, напечатанного в 1910 году стихотворения «Осень» до тетралогии «Волны Черного моря» критик прослеживает развитие таланта, проявившегося еще в отроческие годы. Интересно высказывание В. Катаева, приводимое автором монографии: «Никогда не думал, что буду кем-нибудь, кроме писателя. С детских лет был уверен, что буду писать». Критик ярко воссоздает литературную жизнь Одессы после революции 1905 года, в которой противоборствовали реалистические и модернистские течения. Л. Скорино вводит в научный обиход материалы литературных полемик, вспыхивавших на страницах «Одесского вестника», «Южной мысли», архивные материалы, беседы с писателем и его современниками, содержащие весьма ценные свидетельства.

В первых главах книги возникает трагическая фигура Ивана Бунина, поэта-академика, кумира одесской литературной молодежи. «У Бунина я учился умению описывать вещи, — говорил Катаев в одной из бесед. — учился пластике слова, красочному виденью мира». Но когда пришло время делать политический выбор, учитель и ученик оказались по разные стороны баррикад. Л. Скорино подробно анализирует цикл статей Бунина «Великий дурман», написанных в Одессе в последние недели деникинщины; статьи, проникнутые неверием в революционный народ, направленные против гражданских позиций Александра Блока. В этой полемике приняли своеобразное участие молодые Олеша, Багрицкий, Катаев, выпускавшие в 1919 году сатирическую газету-пародию «Перо в спину».

Постепенно сквозь пеструю картину жарких схваток, дискуссий начинает просвечивать главная мысль монографии, мысль о преемственности заветов русской классической в молодой советской литературы.

Мысль эта, сама по себе не новая, вырастает в книге Л. Скорино из тщательного анализа художественной структуры первых произведений В. Катаева и потому обретает убедительность самостоятельно добытого вывода.

Справедливость все же требует отметить некоторую облегченность последних двух глав работы, где рассматриваются заключительные части тетралогии «Волны Черного моря» (в частности, роман «За власть Советов» («Катакомбы»). Здесь уже несравнимо реже, чем в первых главах исследования, вводятся развернутые характеристики литературных и общественных обстоятельств, которые влияли на творческую историю той или иной книги. Очевидно также, что более подробный анализ последних частей катаевской тетралогии мог обнаружить композиционные просчеты автора, слабость отдельных сюжетных построений.

Опыт Валентина Катаева, раскрываемый в монографии, поучителен еще и тем, что его книги помогали критике освободиться от различных догматических предрассудков относительно метода нашей литературы, который формировался, конечно же, не в головах теоретиков, а в практике художников. Не случайно каждое крупное произведение искусства открывало не только неведомые ранее стороны жизни, но и дополнительные грани в понимании метода социалистического реализма. К сожалению, такой взгляд на явления художественного творчества до сих пор не стал общим достоянием нынешней критики: она еще подчас судит о книге, исходя лишь из субъективных представлений о методе. Когда Л. Скорино анализирует критические споры вокруг романа В. Катаева «Время, вперед!», ее волнует не только исторический аспект полемики. Не менее важен для автора монографии урок, который можно сегодня извлечь из той дискуссии. Л. Скорино отмечает, что и противники и сторонники романа «Время, вперед!» нападали на одну из важных сторон этого произведения — на образное и стилевое воплощение идеи движения времени. Более углубленное и внимательное исследование романа, утверждает автор, позволило бы критикам увидеть в нем выражение стремительного бега времени, который обусловил темпы первой пятилетки.

Для автора монографии «Писатель и его время» такие аргументы, выдвигаемые самой жизнью, весомее умозрительных схем. Показать индивидуальный путь талантливого писателя в советской литературе — такова задача, поставленная и выполненная Л. Скорино.

Вл. ВОРОНОВ

Л. Скорино. «Писатель и его время. Жизнь и творчество В. П. Катаева». Издательство «Советский писатель». М. 1965.

ОТ ДОМА ДО ФРОНТА

ОБ ОДНОМ из знаменитых французских ораторов рассказывали, что, когда приходила его очередь выступать, он, прежде чем выйти на трибуну, спрашивал о чем-нибудь своего соседа, например, который час или какое сегодня число.

В повседневном тоне, в каком задаются такие житейские вопросы, он и начинал свое слово, и это определяло естественность его интонации. Между ним и слушателями сразу возникала связь, живое человеческое общение.

Я вспомнил об этом ораторе, читая записки Елены Ржевской «От дома до фронта» («Новый мир», № 11, 1965). С самого начала тут найдена живая и естественная тональность и течет откровенное правдивое повествование о том, что было увидено, пережито, запечатлелось в памяти. Между автором и читателем образуется атмосфера доверия.

Перед нами часть автобиографических записок Елены Ржевской. В свое время писательница в книге «Весна в шинели» опубликовала свои фронтовые записи и рассказы. Мы узнали тогда, что Е. Ржевская к началу войны была студенткой ИФЛИ, когда началась война, по путевке Московского комитета комсомола работала на заводе по двенадцать часов в сутки, потом прошла курсы военных переводчиков и была направлена в действующую армию. Бои за освобождение Ржева, Варшавы, Познани и, наконец, бои за Берлин — вот путь будущей писательницы. Не так давно Елена Ржевская вновь вернулась к последним дням войны, опубликовав свои расширенные и дополненные записи под заглавием «Берлинские страницы» («Знамя», № 5, 1965). Они имеют первостепенное значение, ибо автор принимала прямое и непосредственное участие в расследовании всех обстоятельств самоубийства Гитлера и Евы Браун.

Теперь Елена Ржевская обратилась к другому периоду своей жизни — и тем двум с половиной месяцам, которые она провела в Ставрополе на курсах военных переводчиков.

О себе Ржевская говорит мало, она пишет о тех, кто ее окружал. На преподавателей, на курсантов, на все вокруг смотрит молоденькая горожанка, интеллигентная девушка, в ушах которой еще не отзвучали лекции по литературе.

Люди, о которых идет речь, ничем как будто не примечательные, во всяком случае не героические, и даже таинственный «Некто» в плащпалатке, которого автор и ее товарка Ника между собою зовут поручиком Лермонтовым, оказывается заготовителем фуража для своей части. От Вовы Вахрушева пахнет селедкой, он пропитался этим запахом в трюме парохода, на котором ехал сюда. Катя Егорова, прозванная Дамой Катей, принесла военную присягу, и когда генерал пожал ей руку и сказал: «Надеюсь на вас!», она совсем не по-военному ответила: «Спасибо на этом. Не сомневайтесь». Проза, проза! Непохожи они на героев, каких рисуют порою на плакатах. И автор тоже между прочим размышляет об этом. Высчитывая и называя по-немецки ради упражнения цифры — сколько и чего за свою жизнь человек выпивает и съедает, рассказчица вдруг думает, что «жизнь и вправду состоит из белка, углеводов, поваренной соли и воды». Но если это так, то «как быть с доблестью, со славой и геройством?»

Победу над фашистской Германией одержал героический советский человек в том числе и тот самый, о котором рассказывает Елена Ржевская — те девушки и ребята, которые учились на курсах военных переводчиков, те женщины, которые в мороз пошли пешком за сто двадцать километров в Куйбышев «повидать в последний раз мужей, забранных на войну», понесли им из дому «хлеб, крутые яички, табак», те инженеры — брат рассказчицы и Петя, которые спешно работали над каким-то военным изобретением и ели сырые оладьи, испеченные на электроплитке, та Анечка, что не боялась на фронте ни обстрела, ни бомбежки, а после войны вышла замуж, растит двух сыновей и работает кассиршей в кафетерии. И та Ника, сердечная девушка, фантазерка и мистификаторша, с ее нетерпимостью к пошлости, с редким чувством юмора, которая потом и воевала, и в плену была, и совершила побег... Образ ее больше всего удался Елене Ржевской.

«Я же хотела рассказать всего лишь о том, как мы уходили в ту первую зиму на фронт. Мы знали — если будет эта война, она не обойдет нас. И вступали в нее, как в свою судьбу. Вот и все». Так заключает свою повесть писательница.

Оказывается — не все. Повествование этим не исчерпывается. Вглядитесь в людей, которых рисует Ржевская, в их лица, вдумайтесь в их характеры, поступки. Они такие же, как те, которые окружают нас сегодня, — те же студенты, те же преподаватели, те же уборщицы, те же колхозницы, портовые рабочие, старшины и комбаты. Никому из них в отдельности памятника не поставишь, не торопятся они на пьедестал. Но вместе они и составляют народ, который подымается в годы испытаний и одерживает великие победы. Они пошли на фронт, и героически сражались, и не все возвратились назад.

Ф. ЛЕВИН

ТРАДИЦИЯ И НОВИЗНА

НАЗВАНИЕ новой своей книги — «Пятницы» — Римма Казакова объясняет народным поверьем: «пятница — развилье, раздорожье», и тут же добавляет: «пятница моя была хорошей». Таким образом, пятница имеет двоякий смысл. С одной стороны, это как бы перекресток жизненных путей, момент выбора дальнейшей дороги, а с другой, — открытие в себе новых возможностей, новых сил для безостановочного движения вперед, преодоление трудностей, этап жизни, победа над собой.

Новая книга Риммы Казаковой — яркое свидетельство того, что интерес любителей поэзии к ее первым стихам был не напрасным, не случайным. Стремительно преодолев путь от ученичества к мастерству, Р. Казакова стала поэтом. Лучшие стихи в книге «Пятницы» радуют подлинной красотой.

> Прощай, мой дом. Все эти гулы,
> гуды,
> и шпалы, и замшелых бревен
> груды,
> и этот ветер — прямо в губы,
> грубый —
> все это юность, родина моя.
> Не разбиралась я во всем
> до точки.
> Простите, облетевшие листочки,
> вы, ручейки, избушки и лесочки...
> Я уезжаю! Уезжаю я.
>
> . . . .
>
> Прощай, Совгаваны! Больше
> не поспорим.
> Со взрослых платьев
> лычки детства спорем.
> Он был из тех, кто в воздухе
> над морем,
> на золотом погоне синий кант.
> Выходит, слава утешает слабо.
> Поуднимайся: «Пробивная баба!..»
> О, я пробьюсь! До самого
> генштаба!
> Но ты — прощай. Прощай,
> мой лейтенант!

В горестно-веселой интонации этих строк таятся мудрость, материнская жалость к миру, уверенность и сила человека, понимающего законы жизни. И если прекрасное должно быть величаво, то именно величаво звучит: «Он был из тех, кто в воздухе над морем...».

Р. Казакова — поэт красочного слова. Ее мысли имеют интенсивный цвет и выражаются в форме живописи, а самый стих истинно музыкален. В нем есть песенное начало, не для пения, а как у молодого Асеева, когда «читаешь» музыку.

> А на дворе весенняя погода.
> И по лицу веснушками — весна.
> А ты уходишь — как от парохода
> Уходит незнакомая страна.

Мир ее слова богат цветом и музыкой. В нем много резких красок и высоких нот. Есть и полутона, они как бы смягчают некоторую угловатость иных движений. Иногда стихи Р. Казаковой хочется повторять вслух, читать чуть нараспев, удлинять паузы, потому что в паузах происходит многое. У Гейне сказано даже, что «в паузах ангелы тихо вздыхают и плачут о нас».

Сильное впечатление производит стихотворение «Грибной дождь». Его ритмический рисунок трогательно капризен и при этом удивительно точен. Поэты всегда, всю жизнь воспевали свое детство. Но все-таки сказали не все, иначе не возникло бы милое чудо этих вечных и по-своему новых строк:

> Ах Елка, мальчик-девочка,
> орешек!
> Счастливая, промокшая,
> мы все —
> из елок из дождей, русалок,
> леших,
> из синих колокольчиков в росе.
> Но чем взрослей, с годами — как
> с веками,
> и тяжелей счастливые шаги...
> Беги, чтоб пятки звонкие
> сверкали!
> Еще немного детства пробеги.

Есть в стихах Р. Казаковой какая-то особая интонация женского превосходства надо всем живущим, беспрестанное ощущение, родственное одическим строкам:

> Что сравнится с женскою силой?
> Как она безумно смела!
> Мир, как дом, сняла, заселила...

Приблизительно в этом смысле отвечает Р. Казакова на вопрос «могла ли Биче словно Дант творить, или Лаура жар любви восславить?»

Однако нередко поэзии Р. Казаковой недостает той величавости, которую Пушкин считал неотъемлемой частью прекрасного. Связано это, как видно, с тем, что между талантом поэтессы и поэтической школой, воспитавшей ее мастерство, ее вкус, отношение к слову, существует некоторый разрыв. Видимо, не все поэтические образцы, на которых воспитывался ее вкус, достаточно образцовы.

Вероятно, необязательно было включать в «Пятницы» стихотворение «Еще о Еве». Хотя оно и названо озорной сказкой, но создается впечатление, что эпитет «озорная» — не больше, чем попытка убедить читателя в том, в чем сам автор не вполне уверен. В многословном и нарочито модернизированном тексте «Евы» несколько упрощенно интерпретируется сюжет мифа и его философия.

Но дело не только в интерпретации. В «Записных книжках» А. Блока мы читаем: «Современный натурализм безвреден, потому что он — вне искусства... Модернизм ядовит, потому что он с искусством».

Со времени этой записи прошло более полувека. Но умение притворяться искусством — сильно действующий яд, который отравляет и нашу современную поэзию. «Озорная сказка» явно испытывает на себе действие этого яда. Она создавалась под влиянием низких поэтических образцов, искусно имитирующих поэзию и потому весьма ядовитых. Не стоило бы говорить об этом, если бы такие образцы не наносили временного ущерба Римме Казаковой в частности и поэзии в целом. Ущерб временный, но ведь и жизнь читающего поколения сугубо временна, а потому надо хотя бы заронить зерно сомнения и возбудить это зерно к прорастанию, чтобы люди не платили за стекляшку стоимость алмаза.

Не безуспешное увлечение современных русских поэтов корневыми ассонансами (с нагрузкой на первых и серединных слогах слова) на какой-то период основательно потеснило полнозвучную рифму, почти совсем вытеснило рифму глагольную. Но «слабая» глагольная рифма типа «знал — летал» и есть высшее мастерство, высшая свобода и естественность формы. «Слабая» глагольная рифма — привилегия неподдельного поэтического дара. И если нельзя научиться глагольной рифме, то понимание ее прелести плодотворно для поэта само по себе.

Похоже, что поэзию двадцатого века поэтесса знает доподлинно, а девятнадцатый век понаслышке. Дело здесь не в том, что старая поэзия лучше или хуже новой, а в том, что пробел в знании уменьшает глубину и площадь того фундамента, на котором зиждутся стихи Р. Казаковой. Отсюда грубая терминологичность отдельных строк, некая удаль, переходящая в бесшабашность или в суету, которой «служенье муз не терпит». Исходя порой из бродячего, шалого ощущения жизни, поэтесса оказывается не в силах привести «жизни небывалой невообразимый ход... в строй и ясность». Между тем поэтическое творчество не только процесс, но и результат. А отношение к слову и **есть отношение к жизни**. О, если бы наконец была понята изначальная истина поэзии: отношение к слову **есть отношение к жизни!..**

Р. Казакова обладает неподдельным поэтическим даром, пафос ее книги высок. Это пафос, а не патетика. Всецело избавив стихи от воздействия того самого яда, о котором писал Блок, поэтесса усложнит стоящую перед ней задачу, но возвысит свою поэзию.

Александр МЕЖИРОВ

Римма Казакова. «Пятницы». Книга новых стихов. Издательство «Советский писатель». М. 1965.

НАШ СОВРЕМЕННИК

Якутия. Сортировщицы алмазов.

Фото Г. Фуадова

Анна Андреевна АХМАТОВА

Оборвалась жизнь замечательной русской советской поэтессы Анны Андреевны Ахматовой. Более полувека своей жизни она отдала благородному служению русскому поэтическому слову, Родине, советскому обществу, строящему новый мир.

Поэтические произведения Анны Ахматовой, ее имя широко известны и высоко ценимы не только в нашей стране, но и во всем мире.

Первый сборник ее стихов появился в 1912 году и сразу же показал ее незаурядное поэтическое дарование. Анна Ахматова прошла большой и сложный путь творческого развития от интимной лирики до произведений гражданского и патриотического пафоса.

В годы Великой Отечественной войны Анна Ахматова с большим проникновением и твердой верой в нашу победу создавала мужественные произведения во славу Советской Родины. В послевоенной лирике Ахматовой сильно звучали тревога за судьбы человечества и страстные призывы к миру между народами.

Блестящий мастер поэтического слова, Анна Ахматова высоко ценила достижения всей мировой поэзии. На протяжении десятилетий она знакомила русского читателя с поэтическими произведениями мастеров поэзии братских литератур Советского Союза и лучшими достижениями мировой прогрессивной поэзии. Этот труд Ахматовой, служивший делу культурного сближения народов мира, неоценим.

Поэтический дар Анны Ахматовой нашел признание в переводах ее произведений на многие языки народов мира, а также в присуждении ей международных литературных премий и почетных званий.

Поэзия Анны Ахматовой вводила человека в мир прекрасного и облагораживала его чувства. Лучшее, что создано Анной Ахматовой, по праву относится к замечательным завоеваниям великой русской поэзии.

Имя ее, творчество и благородный патриотизм ее музы остаются с нами навсегда.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР
ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР

ПОЭТ

Провожая в последний путь дорогого нам человека, мы, превозмогая боль невозвратной утраты, спешим высказать самое заветное, то, что не успели сказать ему при жизни.

Анна Ахматова дорога всем, кому небезразличны судьбы русской, да и не только русской художественной культуры.

На долю поэтессы выпала трудная, но в то же время и завидная участь. Она с полным правом могла бы отнести к себе знаменитые тютчевские строки: «Счастлив, кто посетил сей мир в его минуты роковые...».

Начав свой путь в одной из декадентских групп, оторванных от большой народной жизни, она прошла чрез великие испытания суровой революционной эпохи и вышла на широкую дорогу гражданской поэзии в пушкинском понимании этих слов.

В ранних произведениях Ахматовой есть одно весьма примечательное стихотворение, дающее, по-моему, ключ к пониманию всего ее дальнейшего пути. Вот это стихотворение, помеченное тринадцатым годом:

> Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
> О смерти господа моля.
> Но все мне памятна до боли
> Тверская скудная земля.
>
> Журавль у ветхого колодца,
> Над ним, как кипень, облака,
> В полях скрипучие воротца,
> И запах хлеба, и тоска,
>
> И те неяркие просторы,
> Где даже голос ветра слаб,
> И осуждающие взоры
> Спокойных загорелых баб.

Эти осуждающие взоры Анна Ахматова не забывала никогда, о чем бы она ни писала. Именно они помогли ей в дни социального переворота не заблудиться, не потерять родину. И еще — кровная связь с лучшими пушкинскими традициями русской поэзии.

> Одни глядятся в ласковые взоры,
> Другие пьют до солнечных лучей,
> А я всю ночь веду переговоры
> С неукротимой совестью моей.

Как это характерно для лирики Анны Ахматовой! От первой до последней книги. Именно здесь корни ее гражданственности, так сильно проявившиеся в годы Великой Отечественной войны и в наши дни.

Уже в сороковом году она написала потрясающей силы стихи «Двадцать четвертую драму Шекспира...» и «Когда погребают эпоху...» — о трагедии Западной Европы, растоптанной фашистским сапогом, а когда пробил час испытания и для Советской России, ее строки зазвучали, как клятва верности и мужества:

> И та, что сегодня прощается
> с милым, —
> Пусть боль свою в силу она
> переплавит.
> Мы детям клянемся, клянемся
> могилам,
> Что нас покориться никто
> не заставит.

Для последних произведений поэтессы характерно углубленное, я бы сказал, историческое осмысление пройденного пути. До самых последних дней поэзия Ахматовой набирала высоту. И в этом была одна из удивительнейших особенностей ее нестареющего таланта, который все время рос, мужал, обогащался, ничего не теряя.

С годами она становилась более мудрой, но не становилась менее непосредственной. Душа ее оставалась до конца открытой всем радостям и горестям жизни. Каждое новое стихотворение Ахматовой радовало любителей поэзии не только своей глубиной, но и свежестью:

> Сюда принесла я блаженную
> память
> Последней невстречи с тобой —
> Холодное, чистое, легкое пламя
> Победы моей над судьбой.

Вот почему люди разных поколений считают Анну Ахматову своей современницей. Такой же современницей она остается и для будущих поколений. Она всегда будет пленять читателей высоким благородством своей поэзии.

Николай РЫЛЕНКОВ

ВЕЛИКИЙ ДАР

Властительница поэзии, прекрасная женщина и мужественная наша современница — эти слова целиком относятся к Анне Андреевне Ахматовой. Анна Ахматова — целая эпоха в поэзии нашей страны. Она спутница нескольких поколений. Я счастлив, что жил в одно время с ней. Она щедро одарила своих современников человеческим достоинством, своей свободной и крылатой поэзией — от первых книг о любви до стихов стоящего под огнем Ленинграда.

Через трудную женскую судьбу пронесла она свою гражданственность и великий поэтический дар. Стихи ее будут жить, пока будет существовать поэзия на русской земле.

Анна Андреевна Ахматова родилась и умерла, как предназначено каждому, но жизнь прожила талантливую, блестящую, полную поэтического волнения. Она оставила ее нам, как пример благородства, свою жизнь, равную судьбе ее предшественников и современников — наших великих поэтов.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ЕЕ СТИХИ ОСТАЮТСЯ ЛЮДЯМ

В моей памяти глубоко залегли впечатления от первых сборников **Анны Ахматовой «Вечер» и «Четки»**, которые я читал в годы своей юности, более пятидесяти лет назад. Что меня больше всего поражало в молодой поэтессе — это конкретность, «вещность» ее образов, четкость и лаконичность при выражении интимных чувств, которым не так легко придать поэтические начертания или ясность. Эти чувства не облекались в отвлеченную форму, а выражались в простой, непринужденной, разговорной речи. «Я на правую руку надела перчатку с левой руки». Как просто, несколькими штрихами поэтесса умела передавать всю смятенность души.

Мне и поныне нравятся в ранних стихотворениях Ахматовой эмоциональность, лаконичность, сжатость выражения. Теперь, перечитывая собрание ее стихов в «Беге времени», я вижу, как тематика поэтессы с годами расширялась, а во многих стихах она выразительно передала мир мыслей и чувств нашего человека.

Есть еще одна грань дарования Анны Ахматовой, в которой удивительно проявились ее чуткость, поэтическая щедрость. Она много и счастливо переводила польскую, чешскую, болгарскую, югославскую поэзию, сербский эпос... И вот в последнее время, будучи уже тяжело больной, она перевела несколько стихов нашей Деборы Вааранди...

Умерла большая поэтесса...

Иоханнес СЕМПЕР

ТАЛЛИН

Секретариат правления московской писательской организации СП РСФСР с глубоким прискорбием извещает о кончине выдающейся советской поэтессы

Анны Андреевны
АХМАТОВОЙ,

последовавшей после продолжительной болезни, и выражает глубокое соболезнование близким и друзьям покойной.

ГЕРОИНЯ

НА ДРУГОМ конце деревни раздаются ружейные залпы. Партизаны и солдаты отражают атаку карательных отрядов, которые пытаются пробить брешь в обороне. Женщина лет тридцати пяти, с бледным, усталым лицом поспешно уносит двухмесячного ребенка в убежище, вырытое в саду, потом, схватив лопату и ружье, бежит туда, откуда доносятся выстрелы.

С холма она ведет огонь по нападающим. Особенно досаждает один вражеский солдат, нашедший выгодную позицию на плотине. Женщина незаметно заходит ему в тыл и метким выстрелом сражает врага. Из последних сил она взбирается на плотину, чтобы подобрать оружие убитого, но в изнеможении падает.

— Ут Тик! Ут Тик! — раздается рядом тихий шепот. Она открывает глаза: это ее муж, которого она не видела очень давно. Сейчас он в форме бойца Национального фронта освобождения.

УТ ТИК — крестьянка из деревни Три-Вин. Она родилась в одной из беднейших семей бедного края: еще ребенком ей пришлось поступить в услужение к крупному землевладельцу. Она работала не покладая рук, от зари до зари, но никогда не ела досыта. Вдосталь ей доставались лишь жестокие побои. Однажды, в наказание за какую-то мелкую провинность, хозяева связали ее и бросили на землю. Молодой слуга освободил ее. Позднее они поженились.

Сорок пятый год принес им свободу. Но вскоре снова вернулись крупные землевладельцы и их прихвостни.

Ут Тик и ее муж стали партизанами. Разведчица, санитарка, боец — она участвовала в десятках сражений. Однажды, сидя в засаде на реке, она убила двух оккупантов; ее трофеями стали лодка и пулемет.

После неудачного покушения на начальника гарнизона, известного своей жестокостью, Ут Тик и ее мужу пришлось перейти в другой район. Им удалось взорвать мост, имевший важное стратегическое значение.

И ВОТ народ победил. Для Ут Тик могла бы начаться счастливая жизнь. Но в страну ворвались американские войска. Началась новая битва за право на жизнь.

Однажды, по дороге на базар, Ут Тик встретила правительственный отряд, отправлявшийся в карательный рейд. Пропустив его, она одолжила у кого-то из местных жителей велосипед, помчалась наперерез, полями, в свой партизанский отряд, чтобы предупредить товарищей об опасности. Ут Тик еще успела сбегать домой, отвести в укрытие детей и покормить самого младшего. Потом с винтовкой в руках она пришла к месту засады. Враги, застигнутые врасплох, понесли тяжелые потери. Во время боя Ут Тик заменила тяжелораненого пулеметчика и вывела из строя немало вражеских солдат.

Оружие партизан — не только смелость, но и хитрость. Как-то Ут Тик удалось завести знакомство с начальником сторожевого поста сайгонских войск, отчаянным чревоугодником. Договорившись с товарищами, Ут Тик приготовила щедрое угощение в доме одного из партизан и пригласила почти весь состав поста. В разгар трапезы полупьяную солдатню без труда взяли в плен партизаны.

В канун 1965 года Ут Тик (она тогда была беременна) привела освободительный отряд в районный центр С. Выполнив задание, отряд ушел, а Ут Тик осталась одна, чтобы раздать населению листовки.

Пришел большой автобус. Пассажирами его были в большинстве горожане. Ут Тик спокойно подошла к ним и вручила листовки. Одна старушка поцеловала ее и шепнула на ухо:

— Дитя мое, скажи революции, что к ней всегда обращены сердца всех наших горожан...

Ут Тик получила звание Героя Освободительной Армии.

Ким ТХАНГ

Женщины идут в первых рядах борцов за свободу и независимость Вьетнама.

Фото из журнала «Штерн»

Между Евдокией Спиридоновой и Ут Тик — восемь тысяч километров расстояния и два десятилетия во времени. Но их можно назвать сестрами — сестрами по борьбе против оккупантов, сестрами по любви к Родине. О них рассказывают вьетнамский и советский журналисты.

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ИЗ ПЯТИ СОТЕН

●

Яков **НЕМЧИНСКИЙ**

> В битве великой не сгинут бесследно
> Павшие с честью во имя идей —
> Их имена с нашей песней победной
> Станут священны мильонам людей.
>
> *«Варшавянка»*

—АЛЯРМ!.. Алярм!

— Партизанен! Фейер!

— Хлопцы, тревога! Партизаны налетают! Спасайся!

Снаряды рвались посреди улицы. Один угодил в дом, где разместилось шестеро полицаев, — в воздух полетели обломки бревен, земли, куски шифера с разбитой крыши, обрывки окровавленной полицейской формы... В ночной темноте метались застигнутые врасплох полуодетые фашисты, слышались испуганные крики, пронзительные стоны раненых.

Это случилось весной 1942 года в совхозе «Белица» Сенненского района Витебской области, где расположился крупный гарнизон гитлеровцев и полицаев. С той ночи еще не раз грозный и неуловимый противник наводил по ночам страх на оккупантов. Никаких следов виновников ночных артобстрелов найти не удалось.

Лишь к осени 1942 года стала известна подоплека этих событий. Что же оказалось?

При отходе советских частей в 1941 году на болоте, поблизости от совхоза, остался танк «БТ-37» с уцелевшим орудием и полным боекомплектом снарядов. Вытащить танк гитлеровцы не могли, а осмотреть его поленились. В этот танк пробралась тройка отважных подростков из деревни Скрабяны. Возглавил их комсомолец Михаил Шебеко, пятнадцатилетний деревенский пастух и активист Осоавиахима. В деревне прятались несколько артиллеристов и один раненый танкист, у которых Михаил Шебеко потихоньку разузнал все, что касалось обращения с танковой пушкой и стрельбы из нее. Смышленый паренек оказался неплохим артиллеристом: на его счету появилось несколько десятков уничтоженных фашистов и предателей. С этим «активным балансом» Миша Шебеко осенью 1942 года пришел в партизанскую бригаду Леонова.

—ХАЛЬТ!

Девушка, шедшая по обочине дороги Шумилино — Витебск, остановилась. Каждый житель оккупированной Белоруссии хорошо знал, что значит ослушаться: обычно следовал выстрел, в лучшем случае—неприятный разговор с полевой жандармерией.

Из придорожных кустов вышли два солдата охранной дивизии. Держа наготове «шмайссеры», они на ломаном русском языке потребовали предъявить «аусвайс». Поставив на землю корзину, прикрытую чистой холстиной, девушка достала из потрепанной куртки пропуск и протянула старшему патрульному. Тот придирчиво осмотрел документ, а второй солдат в это время нагнулся к корзинке, отбросил холстину и радостно крикнул:

— О, зо! Ганс, эйер, эйер!

В корзине действительно лежали тщательно уложенные и пересыпанные опилками свежие яйца. Старший быстро сунул девушке пропуск и тоже нагнулся над корзиной. Оба гитлеровца торопливо стали рассовывать яйца по карманам. В это время девушка выхватила из-за пазухи «вальтер» и двумя выстрелами уложила обоих патрульных. А с противоположной стороны дороги, из ольшаника, на помощь ей спешил охранявший ее в дороге напарник.

Вдвоем они оттащили обоих фашистов в густые заросли кустарника, подальше от дороги, уложили их в старую воронку, оставшуюся после бомбежек сорок первого года, и, закидав хворостом и землей, снова разделились. Девушка направилась к Витебску, а парень опять отошел в сторону, чтобы в случае надобности прийти на выручку своей напарнице.

Девушка эта была Дуся Спиридонова, знаменитая связная и разведчица партизанской бригады М. Бирюлина и группы Т. Морудова, а ее напарник — разведчик Николай Шпаков. В корзине с яйцами были толовые шашки, которые Дуся несла в Витебск подпольщикам.

Чтобы обезопасить себя от возможных опасных последствий убийства двух гитлеровцев, Николай Шпаков, с согласия и с помощью витебских подпольщиков, распустил в городе слух, что эти два солдата были захвачены в плен партизанами и уведены в лес. Витебскому гестапо оставалось только в бешенстве ругать неуловимых партизан... А взрывчатка благополучно попала к адресату, и вскоре в городе прогремел еще один взрыв на железной дороге.

ДВЕРИ в кабинет главного врача Витебской больницы распахнулись от резкого рывка. На пороге стоял гауптман вермахта — худощавый, нервный, с узкими злыми глазами и тонкими, словно бескровными губами. Находившиеся в кабинете врачи поспешно вскочили: за капитаном стояли два автоматчика с прижатыми к бедру «берманами». Хриплым голосом гауптман закричал:

— Шнелль брать красни бандитен, лечить! Лечить! Отвечайт своя голёва!

Заботу о доставленных советских воинах взяла на себя врач Ксения Сергеевна Околович. Гауптман и его солдаты ушли. Гитлеровец еще раз напомнил, что надо «скоро-скоро лечить» пленных и следить, чтобы они никуда не сбежали: за это персонал отвечает головой.

Среди доставленных советских бойцов оказались начальник штаба 29-го корпуса 22-й армии полковник Тишенко, летчики Лагунов, Шаталашвили и другие командиры. Врач К. Околович немедленно известила об этом подпольщиков. По их указанию отважная патриотка раздобыла для раненых гражданскую одежду, паспорта и, подлечив их так, чтобы они могли хоть немного передвигаться, перевела всех в Боровлянскую больницу — под предлогом большой перегрузки городской больницы и отсутствия коек. Через два дня пленных оттуда переправили в партизанский отряд, а в полицию Ксения Околович заявила, что Тишенко и его товарищи ночью совершили нападение на дежурных медиков и сбежали в неизвестном направлении. В доказательство этого медсестра, санитарка и дежурный врач показали синяки и порванные халаты, в ярких красках живописуя нападение: в завязавшейся-де схватке медицинский персонал проявил полное понимание ответственности перед оккупационными властями и до конца готов был выполнить полученный приказ.

Несколько дней полевая жандармерия и местная полиция буквально сбивались с ног в поисках «беглецов», но следа их так и не нашли. Советские командиры давно были в безопасности, среди партизан.

Отважная патриотка К. Околович совершила много таких подвигов, а кроме того, не раз переправляла (через партизан) в штаб Калининского фронта ценнейшие разведданные о дислокации частей вермахта.

ПОДПОЛЬНАЯ группа коммуниста Трофима Андреевича Морудова, занимавшаяся в основном «разработкой» воинских перевозок оккупантов на магистрали Витебск — Полоцк и Витебск — Орша, а также сбором сведений о военных объектах гитлеровцев, однажды обратила внимание на то, что к Витебскому хлебозаводу стали подъезжать грузовики с номерными знаками частей, не расположенных в городе. К тому же каждая автомашина имела не только особый номер, но и специальный знак части — летящий орел, бегущий заяц, скачущий олень. Это давало нашим разведчикам возможность сразу же установить факт прибытия любой воинской части.

Таким образом, Витебский хлебозавод мог дать Т. Морудову недостающие данные о частях, которые размещены далеко за пределами города. За крупную взятку рейхсмарками (которые группа Морудова добывала путем «экспроприации» у самих же гитлеровцев) Трофим Андреевич устроил на хлебозавод одну из своих разведчиц, Лидию Петровну Цыганову (партизанская кличка «Галя»). Став конторщицей, она фиксировала в памяти данные об отпуске печеного хлеба для каждого гарнизона в Витебске, Невеле, Сиротине, Ново-Сокольниках, Велиже, Сураже, Городке и других населенных пунктах Витебской области. Больше того: Цыганова знала количество хлеба, выдаваемого и каждой отдельной воинской части.

Рискуя жизнью, патриотка доставляла в группу ценнейшие сведения, за которые советское командование не раз выносило ей благодарность. Отличный конспиратор, Цыганова продержалась на хлебозаводе до самого прихода Советской Армии (июнь 1944 года) и живет ныне в Куйбышеве.

В группе Т. А. Морудова большую работу по сбору разведывательных данных вела еще одна отважная патриотка—Элеонора Викторовна Барановская-Гуго (подпольная кличка «Зоя»). Кроме постоянного наблюдения за движением эшелонов по линии Витебск—Смоленск, ей было поручено проникнуть в гитлеровскую военно-строительную организацию «ТОДТ», чтобы добывать сведения о фортификационных работах в зоне расположения группы армий «Митте» на Витебщине и в прилегающих районах.

В КАБИНЕТЕ начальника ГФП-703 («Гехейме фельдполицей», «Тайная полевая полиция») было тихо. Вытянувшись в струнку, адъютант не отводил взгляда от начальника, лицо которого побагровело от злобы. Судорожно вцепившись в бумажку, он пытался что-то сказать, но спазма сдавила ему горло, и только ценой огромного напряжения он сумел наконец прохрипеть:

— Что вы мне принесли, я вас спрашиваю?

— Осмелюсь доложить, господин начальник, это... это...

— К черту! — выкрикнул Гаш: — Вон!

Адъютант мгновенно повернулся на каблуках и поспешно выскочил за дверь.

А Гаш снова впился в бумажку. Это было донесение начальника Витебского склада трофейного вооружения об исчезновении со склада крупной партии стрелкового оружия и боеприпасов. Очередное — третье по счету за два месяца! Было от чего прийти в ярость: штаб 3-й танковой армии вермахта уже дважды, и в весьма угрожающем тоне, запрашивал Гаша о принятых мерах. Дело могло обернуться скверно: в лучшем случае выговор, а то и отправка на фронт.

Из имеющихся в деле материалов было известно, что «неизвестные злоумышленники» в течение лета 1943 года похитили из склада трофейного вооружения около 4 тысяч русских винтовок, большое количество патронов к ним, 20 противотанковых гранат, 6 килограммов взрывчатки, несколько пистолетов, два автомата и даже... станковый пулемет.

К СОЖАЛЕНИЮ, в газете не расскажешь обо всем, что удалось узнать о героическом витебском подполье. То, что написано, — лишь крохотная часть малоизвестной, почти нераскрытой еще витебской эпопеи. Начатая работа далеко не закончена.

Английские письма

I. ДЕВЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Мариэтта **ШАГИНЯН**

В ХУК-ВАН-ХОЛЛАНДЕ, голландском порту, обдуваемом всеми ветрами и прохладном даже в летний день, транзитные пассажиры оглядеться не успевают. Только седое, серое море перед ними бьется в берег, качая корабли на причале, да чайки, черно-белыми штрихами чертящие морскую седину, взлетают и прядают над водой. И только длинная, не очень элегантная «Королева Эмма», совершающая ежедневные рейсы между Голландией и Англией, стоит, дожидаясь путников, почти впритык к пристани. Носильщики освобождают вас от вещей, и вы эти вещи уже не увидите вплоть до Хариджа. Легко, словно в трамвай, поднимаетесь вы на борт, — спальных кают и вообще кают, кроме гостиной и ресторана — нет. На борту — два ряда сидений: у стены обычные стулья, а в первом ряду, у самого края, длинные на мужской рост шезлонги, возлежать на которых маленькому человеку дьявольски неудобно, а переменить позу или встать требует акробатических усилий. Все норовят занять именно эти шезлонги, чтоб видеть море. В буфете — целые горы белых запечатанных коробок знаменитого голландского шоколада с ликером, разбираемых с быстротой молнии, всякие сувениры и с десяток английских детективов. Я запаслась детективом и погрузилась в шезлонг, а что было дальше, не пожелаю врагу.

Говорят, в тихие дни шесть часов переезда просто не замечаешь. Первые два часа я действительно не замечала, но вот на середине пути скольжение перешло в покачивание, а покачивание — в выворачивание ваших внутренностей. Потемневшее небо словно взбивалось ложкой вместе с почерневшим морем, волны заглядывали белыми лохмами к нам в стекла, и весь этот «гоголь-моголь» усиленно подступал к вашему горлу.

Но зато есть что-то невыразимо приятное в прибытии к берегу. Незадолго до него вы вдруг вступаете во внезапно затихший мир. Веет соленым ветром от распахивающихся дверей, опускаемых стекол; неизвестно откуда, еще до остановки, появляются английские носильщики: вещи ваши опять исчезают куда-то без вас, а вокруг — поднимаются с шезлонгов бледные, как и вы, фигуры, подтягиваясь, надевая шляпы, набрасывая пальто — и вы идете к выходу, покуда «Королева Эмма» скользит между множеством труб, парусов, черных палуб к сереющему под благодатным дождиком английскому порту Харидж. О слоновых бивнях и бриллиантах, как изощрился написать кто-то из очеркистов, таможенники не спрашивают. Обычно они отмахиваются от вас, когда вы пускаетесь в перечисления того, что содержится в чемодане. И вот уже дачный, довольно потрепанный вагончик бежит к Лондону мимо маленьких английских городов, нахохлившихся под дождем.

Девять лет, как я не видела Лондона. В темноте, мигающей слезливыми огнями, мокрый, мрачный надвигается вокзал Ливерпуль-стрит-стэйшн, как и все вокзалы — удобно и характерно для Лондона — в самом центре города, на его улице и по имени его улицы, со спуском в метро того же названия. Негр-носильщик подхватил мои вещи. Странное чувство овладело мною (фраза банальна, а содержание точно). Девяти лет словно не было, все вдруг сразу вспомнилось с удивительной ясностью, — линии и перекрестки метро под землей, линии и перекрестки улиц на земле и весь этот город, четкий, как на ладони, со всеми своими suburbs (окраинами), хоть и славится он чрезвычайной своею запутанностью. Эту запоминаемость всего английского, вплоть до неразберихи денежной системы и до административных названий всей страны, судя по входящим в нее частям то Великобритании, то Британии, то просто Англии, с Ирландией и без, с Шотландией и без, с Уэльсом и без, — я проверяла на многих, бывавших тут по нескольку раз, и немало раздумывала над ней. Понять Англию очень помогают сами англичане, издавая, как нигде в другой стране, подробнейшие справочники о себе. Раз в год выходит огромный официальный томище «Britain», где можно найти статистику, номенклатуру и классификацию всех сторон сложной британской социальной жизни; в 1965 году вышла поистине драгоценная книга Антони Сампсона «Анатомия сегодняшней Британии», где на 720 страницах вас словно за руку вводят во все тайны государственного управления Англии, начиная с покоев королевы, ее прав и финансов, кончая школой, спортом, бухгалтерией, тред-юнионами, рекламами, телевидением... Вы персонально знакомитесь в ней с нынешними министрами, их внешностью, привычками, недостатками, смешными и положительными сторонами; ролью дипломатии, банков, отдельных парламентских говорунов. Даже план расположения зданий и комнат на правительственной улице Даунинг-стрит и даже дружелюбное выражение лица у швейцара премьер-министра, — все это становится вам известным из книги, написанной толково, свободно и с юмором, присущим английскому перу. Ничего, казалось бы, не скрывает о себе Англия. Ни в каких, казалось бы, выражениях не стесняется она, открывая свое лицо. И никто так не умеет смеяться над ней, как сама она над собой. Помню, девять лет назад я развернула самый дорогой и самый популярный путеводитель по Англии. Начинался он с первой же страницы приблизительно так: «О нас, англичанах, было известно до войны, что мы отличаемся неумением вкусно готовить пищу, хотя сырые продукты у нас всегда свежие и доброкачественные; сейчас можно сказать, что готовить пищу мы так и не научились, зато продукты наши перестали быть свежими и доброкачественными». Кто, какая еще страна зарекомендовала бы себя таким способом в путеводителе для туристов?!

Но вот, — при внушительной литературе самой Англии об Англии, при удивительной легкости запоминания всех ее странностей и нелогичностей в структуре, деньгах, названиях улиц, нумерации домов и тому подобном, что, собственно, знаем мы глубоко об Англии, как представляем себе ее лицо, казалось бы, совершенно открытое чужому взгляду? Мне думается — нет маски более загадочной, чем это открытое лицо. И нет более интересной задачи сейчас для журналиста-международника, нежели разгадать эту загадку Англии, разгадать так, чтобы можно было представить себе ее будущее, верней — представить себе желательность того будущего, которое было бы не только наилучшим для нее, но и органичнейшим, отвечающим ее самым глубоким национальным корням...

Сезон в Лондоне, — в противоположность Парижу, — начинается с весны и длится все лето. Найти номер в гостинице почти невозможно, если не закажешь его за недели вперед, так переполнена английская столица приезжими в эти летние месяцы. Мне посчастливилось заручиться номером в старомодной гостинице, на вывеске которой две пары лошадок цугом мчат во весь опор старинный кэб времен Диккенса с кучером в высокой шляпе и кнутом в руке. По-русски ее название «У верстового столба», по-английски «Майлстоун», — придорожный камень, отмечающий милю. Поистине жалко иногда, что мы наш красочный «Славянский базар» и прочие старые названия заменяем так часто на иноземный лад, — но это между прочим. Под вывеской диккенсовского кэба я прекрасно выспалась в эту первую ночь, а на утро, чтоб не разбрасываться, наметила себе две главных темы, захвативших меня еще девять лет назад: проблему английской школы и проблему английского театра. Но прежде чем приступить к ним, следовало посмотреть Лондон, — каким он стал за истекшие годы, Лондон, покинутый мной во дни Суэца и тори, а увиденный вновь во дни Родезии и лейбористов. Дождик прошел, сероватый день глядел в окно, на стол подали традиционный завтрак, — овсянку, жареные копчушки (Kippers), — хотя убейте меня, не понимаю, для чего надо копченую селедку жарить или подогревать, — эмбрион масла, баночку мармелада Чемберса и на редкость безвкусные кофе и ломтики тоста. А рядом с завтраком — горку газет, о которых опять хочется сделать лирическое отступление.

В Англии вы заказываете нужные вам газеты у портье гостиницы на определенный срок, и они доставляются вам каждое утро к завтраку, с проставлением их стоимости в счет, который оплачивается в конце пребывания. Единственное «но» — невозможность получить таким образом, как и трудность добычи в городе, необходимого вам «Дейли уоркер»; его отказываются «выписывать» и продавать в большинстве газетных киосков. Во Франции еще проще: каждое утро в парижском отеле, где я останавливалась, хозяин посылал мне в комнату со своей карточкой и «комплиментами» бесплатный номер «Фигаро». Как бы ни были вы вооружены против этой буржуазной газеты, вы невольно заглядывали в нее и убеждались, что ведется она интересно и даже печатает с продолжением перевод нового романа Агаты Кристи. «Юманите» получать можно было, вступив в переговоры с коридорным...

Уступая веянью времени, я выписала вместо увесистой «Таймс», несколько поблекшей во дни лейбористов, более компактный «Гардиан», перебравшийся из Манчестера в Лондон, но осталась верна воскресным «Обсерверу» и «Санди таймс». По совету друга, прибавила к ним «улицу», — несколько вульгарную, но интересную «Дейли миррор» и заказала, чтоб быть как следует «в курсе», пачку их за прошедшие дни. Английские газеты надо читать умеючи. Для начала — перегните увесистую «Таймс» или «Обсервер» на середине, там, где идут передовица и «письма к издателю». Чего только и кто только не пишет в этих посланиях! Помню, девять лет назад, в разгар Суэца, какой-то шотландец написал издателю: «Сэр, я восхищен Насером. Давно пора подрезать нос Англии. Выражаю чувства шотландцев». Газета напечатала без всяких комментариев, как и всегда при публикации писем, только на следующий день некто, подписавшийся членом «Юнион-Джека», выразил негодование, как смел этот шотландец «приписывать свои чувства всем шотландцам». На этот раз, проглядывая свою пачку, я испытала не меньшее удовольствие.

Приход лейбористов к власти явно повлиял на полевение газет. «Дейли миррор», например, написала о плане, по которому, если б он прошел, королева должна была бы оплачивать жилплощадь Букингэмского дворца, а при отказе—власти на общих основаниях могли бы вывезти из дворца телевизоры, стиральные машины, автомобили, мебель и т. д. Но вот письмо к эдитору, подобного которому на моей памяти раньше не встречалось. Некая миссис от имени «цветных» (coloured co-citizens) пишет: «Сэр, как сладка была бы месть, если бы наши цветные сограждане заявили: «Что ж, хорошо, Англия! Мы не нужны тебе — обходись без нас. Мы все отправляемся по домам». Искренне ваша Е. Хэйкок». Разбираясь дальше в газетах, я наткнулась на драматическую причину этого вопроса: некая вульверхэмптонская фирма, через своих агентов распродававшая 300 новых домов на большом участке земли, отказалась продать один из них индийцу: такую инструкцию дал агентам землевладелец. Англия, сконфуженная этим событием, ответила пикетами перед домом фирмы, всевозможными выступлениями на собраниях и митингах, статьями в газетах... но частная собственность в Англии вещь непоколебимая, и хозяин, не желавший видеть на своей земле цветных, стоял на своем. Событие не «мелькнуло», — оно растеклось по газетам. Оно попало на больное место.

Не входя в «Общий рынок», Англия, как известно, имеет свою «общину», по-английски Commonwealth, не совсем точно переводимую у нас «Содружеством наций»; иначе говоря, — это народы, входящие в зону английского языка, английского влияния и английского фунта. Подобно членам «Общего рынка», члены «Содружества наций» могут перемещаться между своими странами без виз и когда угодно въезжать в Англию. До последних десятилетий, точней, до тридцатых годов, между наплывом в Англию и эмиграцией из Англии сохранялся какой-то баланс. В годы с 1871 по 1931 из самой Англии эмигрировало в поисках работы около 4 миллионов людей. Но с 1931 начинается обратный процесс, вливается из Европы четверть миллиона просящих убежище; вливается все больше и больше из «Содружества», — Нигерии, Британской Вест-Индии, Южной Родезии: за каких-нибудь два года (1960—1961) только из Вест-Индии перебралось в Англию около 120 000 человек. Это заметно на глаз. Девять лет назад мне как-то приятно было видеть в Лондоне резко контрастирующую с расизмом Америки картину дружелюбия к людям цветной окраски — неграм на службе в метро и троллейбусах, китайцам, индианкам, везущим в парк своих ребятишек, — они явно были в Лондоне, как дома. Но сейчас на лондонских улицах встречаешь самих англичан чуть ли не как исключение, и забегая вперед, передам слова одной колючей пожилой англичанки, живущей где-то между Лондоном и Оксфордом. Она приезжала в столицу делать покупки и несколько раз встречалась со мной за обеденным столом в «Лайонел-корнер». Она сказала: «Пришло время hell to pay *, с процентами платить долг. Мы их колонизовали, а вот сейчас они нас колонизуют. Да, да, Англия превращается в их колонию!».

Что еще было в газетах, покуда, обмакивая тост в холодный кофе, я их разворачивала одну за другой? Острые статьи по вышедшей книге о сексуальной жизни молодежи, — книга почти из анкет и статистических справок, с неутешительными данными. Бесконечные статьи о необходимости школьной реформы и ее трудностях (эти я отмечала для вырезки). Застройка зеленого пояса вокруг Лондона. Когда я раньше проезжала по маленьким местечкам на север к Хелмсфорду, на юго-восток к Севеноукс, — там были зелень, дубы, рощи; а сейчас множество новостроек и даже высотные здания. Эти здания появились по всей Англии, но не такие, как у нас — с широким постаментом нижних этажей и красивым их суживанием кверху, — а прямоугольными высокими кубиками. Застройка не только лондонских окраин, но и всей зеленой Англии с исчезновением ее полей и рощ — это тоже больное место. А вот и самое больное: фунт поскользнулся! Фунт стерлингов, этот стержень английской жизни, дал крен...

Чувствуя себя слегка «в курсе», подобно рядовому лондонцу, получившему свою утреннюю газетную зарядку, я вышла на улицу. Гостиница моя была в самом центре Южного Кенсингтона, откуда по прямой линии, мимо кенсингтонских садов, массивного круглого Альберт-холла и ограды Гайд-парка можно было пешком пройти, не слишком опасаясь попасть под машину, до самого центра Лондона. Что изменилось тут внешне за истекшие девять лет? Явно нехотя и очень медленно Лондон стал обновляться архитектурно, построив кое-где новые многоэтажные здания и даже в самом центре, — за Шефсбери-авеню, — нечто вроде умеренного небоскреба. Более интенсивно стал он американизировать свои ресторанчики. Появилось множество забегалок под вывеской Уимпи (Wimpy), где тут же в несколько минут жарят для вас котлетку и подают на хлебе с кусочком сыра и помидора поверх нее или, немного дороже, половину жареного цыпленка. В знаменитых «Лайонел-корнер», число которых тоже выросло, появилась «самообслуга». Все это скоро, споро, чуть вкуснее, чем раньше. Дешевая демократическая «фиш энд чипс», жареная без косточек рыба в сухарях с жареной картошкой, — проникла кой-где в средние рестораны, куда раньше ее в меню не допускали. А в общем — питаться в Англии стало гораздо легче и вкуснее. И в то же время как-то невесомей стали тяжелые (на вес) английские деньги. Общее подорожание не сразу чувствуется, как и то колебание фунта, которое отразила биржа и о котором заговорили газеты. Но если вы приехали в Лондон спустя девять лет, вы не можете не заметить, что на те же расходы, без видимой, казалось бы, разницы в ценах, денег уходит у вас больше, чем раньше. И это вы с вашими «суточными», — а как же те, кто здесь живет и работает?

Мы наблюдаем зигзаги политики лейбористов, их паломничества к «дяде Сэму», позорный сговор с Америкой, продажу за денежную помощь ярко выраженного голоса своего собственного народа, поднятого против войны с Вьетнамом, против расизма в Южной Родезии, наблюдаем с горечью, с болью. Но наследство, полученное лейбористами от тори, действительно, тяжелое. Видишь это со стороны, глазами заезжего гостя, и словно чувствуешь себя на неустойчивой, колеблющейся земле, — куда поплывет она, эта земля, этот небольшой, в сущности, остров, жители которого, как моряки, называют и в книгах, и в разговоре Европу континентом? И действительно ли единственный выход для него — в проамериканской политике?

ЛОНДОН

---

* Сторицей расплачиваться (англ.).

стирая архивную пыль...

ЛЕОПАРДЫ НА ПЕРЕКРЕСТКАХ

Никто не знал, как это произошло, но когда спохватились, было уже поздно...

Из нью-йоркского зоопарка сбежали все звери и помчались по улицам города, вздымая клубы пыли. По Пятой авеню с топотом проносились слоны, давя беззащитных прохожих. На Бродвее рычали голодные тигры. В ресторанах метались испуганные зебры и верблюды, опрокидывая стулья и столики. Львы, лязгая зубами, обнюхивали прилавки в магазинах. На перекрестках выли гиены, а леопарды, урча и фыркая, пожирали мирных жителей.

Сорок девять человек было убито, двести — ранено. Мэр Нью-Йорка обратился к населению с призывом запереть все двери и не выходить на улицу. Лучшие граждане города, вооруженные до зубов, охотились за разбушевавшимися хищниками.

Подробный репортаж об этом бедствии был помещен в «Нью-Йорк геральд». Томас Б. Коннери, ответственный секретарь газеты, не пожалел места для сенсации: репортаж растянулся на пять колонок. Не, пожалуй, самым существенным был последний абзац, озаглавленный: «Мораль всей этой истории».

Мораль оказалась очень простой — статья была выдумана от начала и до конца. Томас Б. Коннери опубликовал ее с одной-единственной целью: он хотел обратить всеобщее внимание на безобразное состояние городского зоопарка. Но мало кто из читателей добрался до последнего абзаца. Всех охватывала паника еще в начале статьи. Среди жертв мистификации был Джеймс Гордон Беннетт, всесильный владелец газеты. Он начал читать репортаж за утренним кофе, лежа в постели, и упал в обморок — с полным кофейником.

Сотрудник газеты Джордж Хосмер ворвался в редакцию с двумя огромными револьверами и истошным криком: «Я здесь! Я здесь!»

Однако больше всех переволновался Джордж Ф. Уильямс, редактор отдела информации конкурирующей газеты «Нью-Йорк таймс». Он даже устроил скандал в полицейском управлении: почему его не известили сразу же о таком сенсационном происшествии?..

Это было 9 ноября 1874 года.

А. ОСТРОВСКИЙ

«Литературная газета» выходит
по вторникам,
четвергам
и субботам

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, иностранный — К 4-03-48, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68, Коммутатор — К 5-00-00.

ИНДЕКС 50067 Типография «Литературной газеты»: Москва И-51, Цветной бульвар, 30. Б—03936

Главный редактор А. ЧАКОВСКИЙ.
Редакционная коллегия: А. БЛИНОВ, Б. ГАЛАНОВ, Б. ГАЛИН, Г. ГУЛИА, Ю. КОМАРОВ, А. МАКАРОВ, Г. МАРКОВ, В. МЕДВЕДЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, О. ПРУДКОВ, Ю. СУРОВЦЕВ (зам главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам главного редактора).